

DREAM

МОНА КАСТЕН

AGAIN

СНОВА МЕЧТАЙ

Young Adult. Абсолютный бестселлер Моны Кастен

Мона Кастен
Снова мечтай

«ЭКСМО»

2020

УДК 821.112.2-31
ББК 84(4Гем)-44

Кастен М.

Снова мечтай / М. Кастен — «Эксмо», 2020 — (Young Adult.
Абсолютный бестселлер Моны Кастен)

ISBN 978-5-04-177862-0

Джуд Ливингстон навсегда рассталась со своей мечтой — стать успешной актрисой в Голливуде. Она потеряла работу и ей пришлось переехать к своему брату в Вудсхилл. Только есть одна загвоздка. Ее новый сосед по дому — Блейк Эндрюс, парень, чье сердце она разбила полтора года назад. За это время он сильно изменился и больше не похож на того весельчака, которого она когда-то любила. Но Джуд чувствует, что ее тянет к нему все больше и больше. Сможет ли Блейк простить ее и дать второй шанс? Мона Кастен — автор международного бестселлера «Спаси меня». Тираж ее книг уже перевалил отметку в 300 000 экземпляров в России и 2 млн экземпляров в Германии! Этот роман идеально подойдет всем, кто полюбил оригинальную трилогию Моны Кастен, а также является поклонником творчества Анны Тодд и Пенелопы Дуглас.

УДК 821.112.2-31
ББК 84(4Гем)-44

ISBN 978-5-04-177862-0

© Кастен М., 2020
© Эксмо, 2020

Содержание

Плейлист	6
Глава 1	7
Глава 2	12
Глава 3	19
Глава 4	24
Глава 5	28
Глава 6	34
Глава 7	40
Глава 8	46
Глава 9	52
Глава 10	59
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Мона Кастен Снова мечтай

Моим читателям, без которых все это было бы невозможно

**Mona Kasten
Dream Again**

* * *

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

© 2020 by Bastei Lübbe AG, Köln

© Офицерова И., перевод на русский язык, 2023

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2023

Плейлист

Ghost Of You – 5 Seconds of Summer
Want You Back – 5 Seconds of Summer
Easier – 5 Seconds of Summer
Think About Us – Little Mix
Forget You Not – Little Mix
Gimme – Banks
Till Now – Banks
What A Time (feat. Niall Horan) – Julia Michaels
So Far Away – Agust D, SURAN
Don't Throw It Away – Jonas Brothers
Vulnerable – Selena Gomez
Too Young – Louis Tomlinson
Falling – Harry Styles
Adore You – Harry Styles
The Archer – Taylor Swift
Afterglow – Taylor Swift
Don't Give Up On Me – Andy Grammer
How Do You Sleep – Sam Smith
Entertainer – ZAYN
You Send Me – Sam Cooke

Глава 1

Я ненавижу зиму и все, что с ней связано: холод и снег, необходимость надевать десять слоев одежды, в том числе шарфы и шапки, от которых электризуются волосы. Если бы это зависело от меня, весь год было бы лето. Чем теплее, тем я счастливее.

И поэтому в данный момент я была очень, очень несчастна.

В конце января в Вудсхилле, штат Орегон, все занесено снегом. И мало того, что я и так терпеть не могу зиму, теперь мне еще пришлось идти от маленькой автобусной остановки пешком через полгорода, волоча на себе дорожную сумку, рюкзак и чемодан.

Мне нет смысла тебя встречать, Джуд, – сказал мой чертов братец. – *До меня всего десять минут пути.*

Десять минут, не смешите меня. Сейчас я уже с полчаса пробиралась по бурой грязи. Обувь промокла, руки и уши замерзли, а если верить телефону, то идти все еще больше десяти минут.

Недолго думая, я решила, что пора сделать перерыв, и зашла в уличное кафе. Какой-то парень странно покосился на меня, после того как я перетащила багаж через порог и при этом громко выругалась. Я ответила ему таким злобным взглядом, что он быстро отвернулся и испарился, протиснувшись мимо меня.

Обычно я не настолько кровожадна. Но обычно я и не нахожусь на ногах по двадцать четыре часа в сутки, чтобы переехать из одного штата в другой, имея при себе лишь скромные пожитки и разбитые мечты.

Запахавшись, я добралась до прилавка и сдула с глаз прядь волос песочного цвета, выбившуюся из-под толстой шерстяной шапки.

– Что тебе приготовить? – спросила бариста и улыбнулась мне.

Она была первым человеком за несколько дней, кто проявил доброту, и мне очень захотелось ее обнять.

– Самый большой карамельный макиато, пожалуйста. И много сиропа. И много пенки. И с порцией любви, если можно.

Она пару раз моргнула.

– Да, конечно. Сейчас будет, – ответила девушка и подписала стаканчик.

Я зубами стянула шерстяную варежку и полезла в задний карман брюк за последними грошами, которые у меня остались. А осталось у меня два с половиной доллара.

Состроив гримасу, я подвинула деньги по стойке.

– Этого, наверное, не хватит, да? – спросила я. Варежка до сих пор торчала у меня во рту, из-за чего слова звучали неразборчиво.

– Нет, но мы принимаем кредитки, – откликнулась она, кивнув на маленький аппарат, который словно издевался надо мной своим подмигиванием.

– К сожалению, у меня нет с собой карты, – соврала я. Варежка выпала изо рта на пол.

– Тогда, боюсь, заказать не получится, – сказала бариста, жалостливо изогнув уголки рта. Как я в ней ошибалась.

Я нагнулась, чтобы поднять варежку, в результате чего дорожная сумка наполовину съехала с плеча и больно выдрала прядь волос. Я опять выругалась.

– Я оплачу, – раздался голос позади.

Развернувшись, я увидела стоявшую за мной симпатичную девушку. На ней была бежевая беретка, из-под которой выглядывали черные волнистые волосы. Лицом она напоминала эльфа с пронзительными голубыми глазами, пробудившими во мне легкую зависть. Хотя свои карие я тоже считала нормальными, ее глаза просто пленили. Наверняка она умела гипноти-

зировать ими людей. Вероятно, она делала это прямо сейчас, поскольку прошла пара секунд, прежде чем до меня дошло, что она только что сказала.

– Seriously? – переспросила я.

– Да, – пожала плечами она, после чего снова обратилась к баристе: – А мне, пожалуйста, один матча латте и один черный кофе. У меня два термостакана. – Она подвинула по прилавку два больших тамблера, похожих на бамбуковые.

– Как тебя зовут? – спросила бариста, неожиданно вновь превратившись в любезность во плоти.

– Эверли, – ответила девушка и достала карту. Потом приложила ее к терминалу, который коротко пикнул.

Я поверить не могла, что это происходило на самом деле. Должно быть, она мой ангел-хранитель – дар судьбы в качестве компенсации за несколько отвратительных прошлых недель.

– Прямо сейчас я думаю, не обнять ли тебя, Эверли, – выпалила я, еле-еле сдерживаясь. Девушка одарила меня улыбкой:

– Не стоит. В следующий раз просто угостишь меня.

– Для этого кроме имени мне понадобится еще твой номер. Или ник в *Facebook*¹. Или твой *Instagram*, – затараторила я, схватившись за телефон.

Эверли озадаченно замерла, и ее улыбка слегка дрогнула. Мне знакомо это выражение. Обычно я относилась к людям открыто и простодушно, и именно так они чаще всего выглядели, застигнутые врасплох таким поведением. Я как раз размышляла, не извиниться ли за это, но внимание Эверли уже переключилось. Она с интересом перевела взгляд на мои сумки.

– Ты не отсюда, верно? – полюбопытствовала она.

Я покачала головой:

– Не отсюда. Только приехала из Калифорнии. Где, кстати, приятно тепло.

– Всегда хотела там побывать.

В этот момент объявили наши напитки. Мы вместе направились к правому концу стойки, где уже стояли стаканы. Я быстро перераспределила свой груз и запихнула варежку обратно в карман пальто.

– Что привело тебя в Вудсхилл? – спросила меня Эверли, склонив голову набок.

– Долгая история, – вздохнула я. – Приехала в гости к брату.

Она кивнула:

– Значит, ты тут уже с кем-то знакома. Это же хорошо.

– Мой брат и его компашка, наверное, не те люди, с которыми я бы предпочла проводить свободное время, но да. Хорошо, когда не нужно начинать совсем с чистого листа, – ответила я и взяла свой стаканчик.

Эверли ненадолго задумалась, а потом протянула руку:

– Дай мне свой мобильный.

Я передала его ей, и та что-то в нем напечатала, а затем вернула мне.

– Сохранила свой номер, чтобы ты могла вернуть кофейный долг.

Я расплылась в улыбке от уха до уха:

– Тогда будь готова, что я свяжусь с тобой, как только устроюсь.

– Супер. – Она бросила взгляд на свои часы. – А теперь мне пора, меня ждет мой парень, и я уже опаздываю.

– Конечно, беги. И еще раз спасибо за кофе, – откликнулась я, подняв стакан. Она чокнулась со мной своим на прощание.

Я смотрела ей вслед, пока она покидала кафе, затем собрала вещи и тоже вышла на улицу. Сделала большой глоток кофе. Он оказался еще слишком горячим, но на вкус был просто

¹ Признана в России экстремистской организацией, и ее деятельность запрещена. (Примеч. ред.).

божественным и придал мне сил, в которых я нуждалась, чтобы преодолеть остаток пути до дома брата.

Мысленно я проклинала Эзру. Гарантирую: ему просто было лень встречать меня на вокзале. Он – как и родители – понятия не имел о случившемся в Лос-Анджелесе, знал только, что мне необходим перерыв, а я не представляла, куда податься. Расскажи я ему правду, он бы, наверное, запрыгнул в самолет, чтобы лично забрать меня оттуда и привезти сюда. Вот только я этого не хотела. Мне не нужно ни его сочувствие, ни понимание, как колоссально я на самом деле облажалась. Так что по телефону я скормила ему лишь кучу расплывчатых объяснений и вытянула из него обещание ни при каких обстоятельствах не говорить родителям, что я уже не в Калифорнии.

И вот я здесь, в единственном месте, куда могла пойти, – нравилось мне это или нет. Тем не менее я уже завела первую знакомую. Я верила в судьбу и всегда старалась во всем видеть сигналы. И случайная встреча с Эверли наверняка была именно таким знаком.

К черту Лос-Анджелес, – думала я, пока волокла чемодан по уличной грязи. – К черту актерскую карьеру, к черту агентов, к черту мечты. К черту все.

Надо снова и снова твердить себе эту мантру, тогда рано или поздно она угнездится в подсознании. В конце концов, один раз это уже сработало, когда разбилась первая голубая мечта.

Следуя карте на смартфоне, я свернула на следующем перекрестке. Эта улица была уже и тише, и чем дальше я продвигалась, тем белее и чище выглядел снег – и тем тяжелее становилось тащить багаж.

Когда я наконец дошла до дома с серым фасадом, подходящим под описание Эзры, то вымокла насквозь, наполовину превратилась в ледышку и совсем запыхалась. Уверена, скоро у меня начнет болеть рука.

Садик перед домом полностью замело снегом. Только дорожку более-менее расчистили, и виднелась пара отпечатков ног. При виде этих следов у меня чуть сильнее забило сердце.

Я выпрямила спину и поправила дорожную сумку на плече, прежде чем пройти по узенькой дорожке к входной двери. Подняв по ступенькам тяжелый чемодан, быстро стряхнула снег с плеч. В то время как лицо просто заledenело, под пуховиком я начала страшно потеть. Вместе с тем я радовалась, что все-таки добралась, и надеялась сразу направиться под душ.

Потом я нажала на звонок. Вообще-то, Эзра в курсе, что я должна приехать примерно в это время. Я написала ему, как только самолет приземлился в Портленде, и потом, когда села в автобус. С братом мы не виделись со Дня благодарения, и я была просто счастлива наконец оказаться здесь – хоть и при подобных обстоятельствах.

До меня донесся шум из коридора, сопровождаемый негромким постукиванием, источник которого мне не удавалось понять. Я как раз собиралась встать на носочки, чтобы заглянуть сквозь матовое стекло, когда дверь резко распахнулась.

Я ахнула.

К такому я была совершенно не готова.

Ни к знакомому покальванию, которое охватило все тело, ни к зеленым глазам, которые впелись в мои и в которых отражался мой собственный шок.

Не в силах как-то этому помешать, я разглядывала его в ответ, буквально впитывала в себя его облик: густые черные ресницы, острые черты лица, щетина на щеках, которой раньше там не было. Каштановые волосы тоже выглядели иначе. Лишь глаза – они даже спустя восемнадцать месяцев показались мне настолько родными, что в желудке все перевернулось.

– Привет, Блейк, – просипела я. Видимо, по дороге сюда голос меня покинул.

Он стоял, опираясь на костыли. Мне сразу захотелось узнать, что с ним произошло, однако прежде чем я успела произнести еще хоть слово, его брови сдвинулись, образуя упрямую складочку. Потом он поднял руку... и захлопнул дверь у меня перед носом.

Я в недоумении уставилась на нее и лишь через несколько мгновений вышла из оцепенения.

– Эй!

Его шаги и постукивание, которое, как я только что выяснила, издавали костыли, отдалились от двери.

– Блейк, я замерзну на улице. Открой эту чертову дверь! – заорала я.

Никакой реакции.

– Мне позвонить Эзре и сказать, что ты оставил меня стоять на морозе?

Стук снова стал громче. Вскоре после этого Блейк рванул на себя дверь и посмотрел на меня точно таким же мрачным взглядом, как и пару секунд назад.

– Ты всегда была невыносимой ябедой.

Ауч.

Значит, вот какие слова мне суждено услышать впервые за полтора года. Немного больно, должна признать. С другой же стороны, я понимала, что заслужила их.

Я уже хотела хоть что-то сказать, как вдруг он развернулся и поковылял в противоположную от меня сторону. Перетащив чемодан через порог, я поставила его в коридоре вместе с сумкой. Затем сняла зимнюю одежду и сложила ее на маленьком комод, после чего последовала за Блейком в сторону гостиной. Раньше все это я видела только по видеосвязи, когда разговаривала с Эзрой. В реальности дом, который он делил с тремя друзьями по команде, выглядел совсем иначе. Тут отчетливо пахло братом и Блейком, и у меня в животе разлилось какое-то знакомое чувство.

– Что случилось с твоей ногой? – спросила я, догнав Блейка.

Тот сел на черный кожаный диван и небрежно скинул на пол костыли, уткнувшись взглядом в плоский экран, который висел на противоположной стене. Не ответив мне, он взял в руки контроллер и продолжил играть.

Мне еле удалось подавить улыбку. Раньше они с Эзрой постоянно резались в игры по НБА. Причем эти двое регулярно набрасывались друг на друга, так что мне приходилось брать на себя роль миротворца.

Я внимательнее присмотрелась к ортезу, который он носил на ноге поверх серых спортивных штанов. Тот был большим и тянулся от середины голени до середины бедра.

– Получил травму во время игры? – не отставала я.

Блейк притворялся, что меня не существует, и как одержимый давил на кнопки пульта. Это тоже болезненно напомнило о прошлом. Я взяла себя в руки и подавила воспоминания, как и все остальное.

В подавлении чего бы то ни было я к тому моменту стала весьма хороша.

Я села на диван на максимальном расстоянии от Блейка и некоторое время за ним наблюдала.

– Эзры нет дома? Я действительно предупреждала его, что еду.

Не отрывая взгляда от телевизора, он задал вопрос:

– Что тебе здесь надо, Джуд?

Его голос звучал хрипло и остался таким же низким, как в моих воспоминаниях. У меня защекотало в животе. Я списала это на голод.

– Эз не говорил, что я приеду? – спросила я.

– Если бы он это сделал, я бы воспользовался правом вето.

Я с трудом сглотнула. Значит, Эзра мне наврал, когда сказал, что никто не против, чтобы я пожила тут первое время. Вот дерьмо. У меня нет денег, чтобы подыскать себе другое место, но в то же время я не хотела беречь старые раны между мной и Блейком, поселившись здесь вопреки его желанию. Когда Эз подтвердил, что все согласны, я слепо ему поверила.

– Вообще-то я планировала ненадолго остаться тут, – помедлив, произнесла я.

Блейк поставил игру на паузу, но все еще не смотрел на меня.

– Сколько?

– Мне просто нужно перекантоваться. Я попробую найти работу и...

– Сколько? – перебил он.

Я стиснула зубы. У меня потихоньку кончалось терпение, однако я тут же одернула себя и велела сохранять спокойствие. Это наша первая встреча целую вечность спустя, а с тем, что произошло между нами, не так-то легко смириться. Эзра рассказывал мне о первом семестре, на протяжении которого Блейк постоянно пропадал на тренировках и изматывал себя до потери пульса. Также он говорил о многочисленных девушках – обычно гораздо более подробно, чем я хотела бы знать.

– Пока не знаю, Блейк, – ответила я чуть погодя.

Стоило мне произнести его имя, как он словно напрягся всем телом. Он рывком встал и выругался от боли. Я поспешно вскочила.

– Подожди, я тебе помогу, – пробормотала я и хотела поднять с пола его костыли, но он остановил меня одной рукой.

Блейк наклонился и сам подобрал костыли, балансируя на одной ноге, в результате чего потребовалось несколько попыток. Когда у него это получилось, он шагнул ко мне и взглянул сверху вниз.

Я почти забыла, какой он высокий.

– Хочу прояснить ситуацию. Я против того, чтобы ты оставалась здесь. Будет лучше, если ты как можно скорее найдешь другое жилье.

Я почувствовала сильную боль в том месте, где совсем недавно ощущала покалывание. Тяжело сглотнув, я приготовилась ответить, однако он уже обошел меня и похромал по направлению к коридору. Я повернулась и смотрела ему в спину, когда Блейк поднялся на первую ступень лестницы: одна рука на перилах, костыли под мышкой.

Хоть его взгляд и казался таким знакомым, все остальное в нем, похоже, изменилось. Ничто в этом холодном сломленном мужчине больше не напоминало веселого мальчишку, который стал моей первой большой любовью.

И я прекрасно знала, что это полностью моя вина.

Глава 2

Шесть лет назад

Мяч врезался в стекло.

Я продолжала наносить краску. Мама разрешила покрасить всего две пряди, но из-за того, что Эзра вечно промахивался и попадал в окно гостевой ванной вместо дурацкой корзины, краска перепачкала даже мое лицо... не говоря уже о волосах.

Как раз когда я собиралась покрасить вторую прядь, мяч снова ударил в стекло... и опять краска брызнула во всех направлениях, потому что я сильно вздрогнула. Издав отчаянный рык, я решительно направилась к окну и рывком его распахнула.

– Мама тебя убьет, если ты разобьешь еще одно окно! – заорала я.

– Извиняюсь, – откликнулся голос, который определенно не принадлежал брату. – Виноват.

Держа мяч под мышкой, Блейк смущенно смотрел на меня.

Я хотела добавить что-то еще, но слова застряли в горле. Буквально. Из рта вырвался лишь сухой хрип, в то время как он разглядывал меня, а в его глазах сверкали веселые искорки.

Блейка я знала уже полжизни, однако в тот момент не могла отвернуться или тем более закрыть окно. Он просто слишком красив.

Нужно запретить людям так хорошо выглядеть.

В отличие от моего брата (и, к сожалению, меня самой) у Блейка не было прыщей. Лето покрыло его кожу загаром и высветлило кончики волос. Пусть я не видела его каких-то пару недель, он изменился. Или во мне что-то изменилось. Потому что впервые со дня нашего знакомства у меня не получалось оторвать от него взгляд.

По его коже тянулась легкая пленка пота, отчего впадинка у него на шее блестела. Мне бросилось в глаза, что за последние месяцы он немного вырос. Когда Блейк и его мама только переехали в соседний дом, он был выше меня всего на ладонь. Сейчас же эта разница значительно увеличилась. Хотя я находилась внутри, а наш дом стоял чуть выше сада, Блейку даже не пришлось запрокидывать голову, чтобы посмотреть на меня.

У него на лице появилась вальяжная улыбочка, когда он протянул руку и вытер пятнышко краски у меня на носу.

Потом растер ее между пальцами.

– Очень мило выглядишь, Джуд.

Впоследствии я всегда вспоминала, что это был тот самый момент. Эта виноватая, слегка озорная улыбка и мимолетное прикосновение сработали как спусковой механизм.

У меня в душе что-то перевернулось, и вдруг стало очень тепло. В животе внезапно закружился рой светлячков. Они разлетелись по моему телу, оставляя ощущение покалывания в местах, о которых я прежде и не подозревала.

– Еще раз извини за окно. В следующий раз буду внимательней.

– Да ладно, – просипела я.

Затем закрыла окно и прижала руку к животу. Вот только покалывание никуда не делось.

Без понятия, как долго я просидела на диване. В какой-то момент я взяла в руки контроллер от *PlayStation* и начала проходить игру Блейка до конца, хотя мыслями находилась где-то

далеко отсюда. Баскетболисты бесцельно бегали по полю – оказалось, что выставлен чересчур высокий уровень сложности. Я проиграла с разгромным счетом, но мне было плевать.

Эзра не рассказал Блейку, что я приеду, и в то же время утаил от меня тот факт, что Блейк теперь меня ненавидит. Я считала, что должно просто пройти немного времени, чтобы мы забыли друг друга и оставили все позади. Впрочем, одного взгляда на Блейка хватило, чтобы стало ясно обратное.

Проклятие.

Было больно снова увидеть его. Его слова впились в меня, как гарпуны, и не отпускали. Мне хотелось подняться к нему наверх и поговорить. Одновременно с тем я понимала, что из этого ничего не выйдет. Блейк и я – это история. Не такая, у которой хороший конец, и однозначно не такая, какую я бы хотела прожить еще раз. Тем более в дополнение ко всему остальному багажу проблем, который я прихватила с собой из Лос-Анджелеса.

Глупо было просить Эза о помощи. А еще глупее – поверить, что Блейк на полном серьезе разрешил мне тут пожить.

Прежде чем мысли зашли еще дальше, я услышала, как открылась входная дверь. Чуть позже раздался голос Эзры.

Не поставив игру на паузу, я отшвырнула пульт в сторону и бросилась в прихожую. Я даже не дала Эзу шанса нормально войти и буквально сбила его с ног. Несмотря на то что еще минуту назад я злилась и нервничала, встретить его иначе просто не могла. Я скучала по нему, и он здесь – единственный человек, чей облик вызывает во мне ощущение связи с домом, так что я сжала его так крепко, как только сумела.

– Мне нечем дышать, – захрипел брат. Тем не менее он положил руку мне на спину и обнял. Я на мгновение закрыла глаза.

Эзра прервал объятия и взглянул сверху вниз, рассмотрел мое лицо с обеих сторон.

Мне знаком этот взгляд. Эзра обладает своего рода шестым чувством. Пускай он не особенно разговорчивый, зато очень чуткий. Брат всегда понимает, когда со мной что-то не так. Поэтому сейчас я изо всех сил старалась не показывать свою печаль и искала подходящую тему, чтобы его отвлечь.

К счастью, осенило меня быстро. Размахнувшись, я стукнула его по плечу:

– Это за то, что ты утверждал, будто до тебя идти всего десять минут.

Он лишь выгнул бровь:

– Я иду десять минут.

– Если у тебя нет багажа, ноги под два метра и передвигаешься ты со скоростью звука, то возможно.

– Ты преувеличиваешь, Блинчик.

Я поморщилась. Всегда ненавидела это прозвище, и ему прекрасно это известно.

– Я добиралась сюда почти час.

– Ничего удивительного, – пробормотал брат, разглядывая чемодан и сумки. – На сколько ты, кстати, планировала остаться?

Я открыла рот и снова закрыла. В итоге я просто пожала плечами. Моя карьера завершилась, так по-настоящему и не начавшись, но я не готова прямо сейчас рассказывать обо всем этом Эзре. И уж точно не в присутствии двух других его соседей, которые зашли вместе с ним и теперь рассматривали меня с головы до ног, как будто никогда до этого не видели девушку. У левого были коротко подстриженные кучерявые волосы, темно-коричневая кожа и угловатые черты лица, словно высеченные из камня. Правый в этот момент откинул со лба влажные волосы и смотрел на меня из-под полуприкрытых век. Оба привлекательны, но последний слишком уверен в этом... о чем говорила его развратная ухмылочка.

– Ты, должно быть, Кэм, – сказала я, обращаясь к нему, и протянула руку. Он обхватил ее и ненадолго сжал. Затем я повернулась налево. – А ты Отис.

– Эзра уже напищал тебя историями о нас? – отозвался тот.

– О да.

– Надеюсь, ты слышала только хорошее, – произнес Кэм. Он провел рукой по волосам, и улыбка стала чуть шире.

Явно игрок. Как же хорошо, что за минувшие полтора года я узнала достаточно мужчин такого типажа, чтобы не попасться на удочку.

Брат закинул руку мне на плечи и прошептал на ухо:

– От него лучше держись подальше. – После этого он взял чемодан и поднял дорожную сумку. Я подхватила рюкзак. – Идем, отведу тебя в комнату для гостей.

Я еще раз кивнула Отису и Кэму, прежде чем Эзра потащил меня дальше по коридору. Перед комнатой прямо рядом с лестницей он притормозил и распахнул дверь. Я следовала за ним по пятам, и мы вместе переступили порог.

Голые стены кремового цвета. Весь интерьер состоял из маленького письменного стола с монитором на нем и стулом перед ним, а еще кровати у противоположной стены. Вторая дверь вела из комнаты сразу на веранду, а оттуда – в прилегающий сад, полностью засыпанный снегом.

– Отныне это твое царство. Я только постель застелил, – объяснил Эз и почесал в затылке. – Я собирался еще перенести стол и монитор в подвал, но не успел. После твоего звонка оставалось слишком мало времени.

Я достаточно хорошо знала брата, чтобы расслышать в его фразе подспудный вопрос.

Положив рюкзак возле чемодана и сумки, я уткнулась взглядом в коричневый ковер и зарылась в него пальцами ног.

– Ты сказал, что остальные не против, если я поживу здесь, – помедлив, произнесла я.

– Так и есть.

Я вновь посмотрела на Эзру, который подвинул стул от письменного стола и сел на него. Между тем волосы у него уже наполовину высохли и начали завиваться на кончиках. В этом плане они в точности как мои. Люди всегда говорили, что мы как две капли воды похожи на маму, но если приглядеться, то можно узнать выразительный нос и широкий подбородок отца.

– А по Блейку не скажешь, что он нормально относится к моему переезду к вам.

Эзра хмыкнул:

– Блейк после несчастного случая вообще ни к чему нормально не относится.

Мне хотелось задать ему вопросы. Так много вопросов. Вот только после нашего расставания я приучила себя сжимать губы как можно плотнее, стоило разговору свернуть в сторону Блейка. С одной стороны, я не желала знать, что с ним произошло, а с другой – сгорала от любопытства. Эзра наверняка видел это по мне, однако молчал.

Я откашлялась:

– Я бы не приехала сюда, если бы это не было действительно крайне необходимо.

– Знаю. – Эзра буквально пронзил меня взглядом, но я его выдержала. Если и есть что-то, в чем мы, Ливингстоны, по-настоящему хороши, так это в умении закрываться и хранить секреты. Эзра еще в юности отточил этот навык до совершенства, и я тоже в этом становилась все лучше и лучше.

Он еще какое-то время смотрел на меня, но когда это уже начало вызывать дискомфорт, встал и провел руками по спортивным штанам.

– Ладно, дам тебе время обустроиться. Мы с парнями хотели попозже что-нибудь приготовить, тогда и познакомитесь как следует.

Я кивнула, обрадовавшись, что он не стал влезать в мое личное пространство. Мысли блуждали от одной проблемы к другой: Блейк, наше совместное прошлое, Лос-Анджелес, проницательный взгляд Эзры, мама с папой, опять Блейк...

– Я еще раз с ним поговорю, – сказал брат, словно прочитав мои мысли, и сунул руки в карманы. Потом прошел мимо меня и закрыл за собой дверь комнаты.

Я шумно выдохнула.

Еще пару мгновений я не отрывала взгляда от белой двери, затем глубоко вдохнула и выдохнула, чтобы вернуться обратно на землю. Однако с каждым глотком воздуха меня как будто покидали силы. Словно организм только сейчас осознал, какой стресс пережил за прошедшие несколько дней. Ноги и руки ощущались раза в три тяжелее, чем обычно, плечи болели от напряжения из-за поездки и веса багажа.

С огромным трудом я дотащила тело до постели и упала на простыни с синим узором. Запах здесь казался чужим, и из плеч не уходило напряжение, хотя все конечности горели от усталости.

Я взяла телефон и разблокировала его. Сердце забило сильнее, когда я начала рыскать по социальным сетям и нерешительно пролистывать новостные ленты. С каждым поступившим уведомлением меня затапливало беспокойство, но все фотографии, на которых меня отметили, оказались просто скриншотами из любимых эпизодов «Дикой розы» и парочкой мемов, где люди выражали надежду на продолжение сериала. Больше ничего.

У меня вырвался вздох облегчения. После этого я снова заблокировала смартфон и положила на подоконник рядом с кроватью.

Сложив руки на животе, я пялилась в потолок. Интересно, комната Блейка прямо над моей или нет? Чем он сейчас занят? Я поймала себя на желании снова потянуться за мобильником, чтобы поискать в сети информацию о том, что с ним случилось, но отбросила его. Я запретила себе подобные порывы, после того как уехала, и не собиралась теперь наступать на те же грабли только потому, что нас вдруг стал разделять один-единственный этаж вместо тысячи миль.

В отчаянии я закрыла лицо обеими руками, как будто так удастся приостановить поток мыслей. Мне этого хотелось. Правда. Сейчас, находясь здесь, я наконец могла позволить себе *не* думать. Вот только чем больше я пыталась это сделать, тем громче память ревела о совершенных ошибках, и у меня никак не получалось ее заглушить.

– Ты можешь размять авокадо, – сказал Отис и подвинул доску по столешнице ко мне.

Мы стояли на большой открытой кухне, я с одной стороны узкой барной стойки, Отис, Кэм и Эзра – с другой, перед холодильником, откуда они доставали разные виды овощей и мясной фарш.

– Ты отвечаешь за перец, – скомандовал Отис и протянул Эзру желтый перчик, как будто это кубок. Кэму он вручил тако, а сам занялся луком и чесноком, половину от которых передал мне в миске для гуакамоле. Остальное поджарил на сковороде, пока я растирала авокадо в кашу. Через несколько минут Отис повернулся ко мне с лопаткой в руке. – Ты говорила, что Эзра много о нас рассказывал.

– Это не я ей рассказывал, это она у меня все выпытывала, – вставил Эзра.

Я пожала плечами:

– Так как ты не очень-то разговорчивый, иногда, ради твоего же блага, приходится на тебя давить.

– Я не к этому говорил, – вклинился Отис, помешивая содержимое сковороды. – Тебе о нас уже кое-что известно, а вот мы о тебе пока мало что знаем.

Я продолжала ковыряться в миске, хотя авокадо уже был в нужной консистенции. Затем резко отложила вилку в сторону и потянулась за лаймом.

– Я только что прилетела из Лос-Анджелеса, там работала актрисой, – ответила я и чуть сильнее, чем надо, сдавила фрукт, чтобы в миску потек сок.

– Реально? – Кэм оглянулся на меня через плечо.

Перемешивая пюре из авокадо с соком и луком, я промычала, подтверждая.

– Театр, кино или телевидение? – не отставал он.

– Всего понемногу, но больше на телевидении. – Почему-то сейчас это казалось смешным, пускай именно это я и делала в течение последних лет. Правда, без особого успеха.

– В семнадцать лет Джуд получила главную роль в сериале и уехала в Лос-Анджелес тем же летом, когда я отправился сюда. – Брат ножом ссыпал мелко нарезанный перец в тарелку, не глядя на меня.

– Вот это да. А сериал популярный?

Я пожала плечами:

– Наверное. Это была мистическая драма со сверхъестественными убийствами, которые расследует компания подростков. Сериал назывался «Дикая роза».

Нахмуренные лбы Отиса и Кэма дали мне понять, что оба понятия не имели, о чем я.

– Эзра! – секунду спустя возмущенно воскликнул Кэм, тем самым подтверждая мое подозрение. – Почему мы никогда вместе не смотрели сериал с твоей младшей сестрой?

Эзра невозмутимо приподнял бровь:

– Я всегда смотрел его один в своей комнате, потому что вы предпочитали резаться в видеоигры.

Выражение лица Кэма так быстро сменилось с негодующего на виноватое, что я чуть не рассмеялась.

Я отмахнулась:

– Ничего страшного. Сериал закрыли еще до того, как он смог по-настоящему набрать популярность.

– Уверен, ты клево сыграла, – сказал Кэм. – Нужно потом посмотреть его онлайн.

– Погодите-ка, – вмешался Отис, прежде чем я успела что-то ответить. – Значит, в семнадцать лет ты одна уехала из дома... а потом... – Он искал подходящие слова.

– Потом я тут же потеряла свою первую работу.

Мне до сих пор было больно думать о конце «Дикой розы». Роль импульсивной и остроумной Сэди Нельсон была словно создана для меня. Я все еще прекрасно помнила, как едва не свихнулась от волнения перед кастингом. Эзра, мама и папа приехали вместе со мной на прослушивание в Лос-Анджелес, а потом мы пошли ужинать. Несколько дней спустя меня приняли, и я с визгом бросилась в объятия родителей. Дальше они во всем меня поддерживали: на разговоре в школе, где мы решили, что я спокойно смогу получить аттестат позже; с контрактами, которые мы изучали вместе с моими агентами; с поисками квартиры; с бюджетом, который мы раз за разом просчитывали до поздней ночи...

– Звучит ужасно. – Голос Кэма выдернул меня из воспоминаний.

– После этого я перебивалась мелкими ролями, – продолжила рассказ я, стараясь говорить так, словно все это часть работы. – Снималась в массовке разных сериалов и в эпизодической роли в нескольких сериях одного подросткового шоу. Прошлым летом меня пригласили в театр, и это тоже был классный опыт.

– А раньше ты вечно твердила, что никакая сила не заставит тебя играть в театре.

Я оцепенела.

Через несколько секунд я медленно развернулась. На пороге кухни-гостиной, глядя на меня, стоял Блейк. Его глаза оставались такими же холодными, как пару часов назад, когда я только приехала, разве что сейчас он наконец-то посмотрел прямо на меня. Смерил взглядом с ног до головы. Как будто до него постепенно доходило, что я действительно тут и уже не уеду. Изучая мое лицо, он еле заметно нахмурился.

Я быстро отвела глаза и снова помешала гуакамоле. Добавила большую щепотку соли и прочистила горло.

– Раньше я думала, что буду играть Сэди Нельсон следующие пять лет и таким образом обеспечу себе место в Голливуде, – отрезала я.

Блейк издал какой-то звук, и я засомневалась, то ли это презрительный смех, то ли еще более презрительное фырканье.

– Вот видите, как в жизни все быстро меняется.

Я так сильно стиснула зубы, что они скрипнули. Перед внутренним взором замелькали картинки из прошлого. Как я разглядывала отслаивающиеся обои, пока разговаривала по телефону с Блейком.

Что случилось? – эхом зазвучал его голос у меня в голове.

Все изменилось, Блейк.

Он специально так сказал, я это понимала. И тем не менее, или даже как раз поэтому, у меня вдруг сильно сдавило грудь. Надо срочно отразить удар. Когда я работала и вживалась в роль, у меня это получалось легко. В ту секунду я бы все отдала, чтобы и сейчас воспользоваться этим талантом. К сожалению, в данный момент мне потребовалось в два раза больше сил и концентрации, чтобы поддерживать иллюзию беззаботности.

– Итак, – нарушил повисшее напряжение Отис и снял сковородку с плиты. – Что делает молодая актриса вроде тебя в Вудсхилле?

Соберись, – мысленно заклинала себя я и сосредоточилась на размеренном дыхании животом, чтобы успокоиться.

– Ну как что? – спросила я с идеальной фальшивой улыбкой. – Соскучилась по старшему брату.

Эзра оторвал разъяренный взгляд от Блейка и перевел его на меня, изогнув бровь:

– А по телефону звучало так, будто ты лишилась квартиры.

Я закатила глаза:

– Ну ладно, так и есть. Но и соскучилась тоже.

Поскольку с этого момента я буду жить здесь, мне никак не удастся помешать ребятам узнать по меньшей мере какую-то часть моего прошлого. Я потерпела неудачу как актриса и лишилась квартиры – это достаточно неприятно и печально, чтобы они не задавали лишних вопросов и не стремились выяснить обо мне больше. Во всяком случае, я рассчитывала, что у них есть чувство такта. Если сейчас раскрою несколько карт и выложу на стол, то смотреть на оставшиеся им, надеюсь, не захочется.

– Что ж, по-моему, хорошо, что теперь ты поселишься здесь. Вудсхилл, может, и не так крут, как Голливуд, но вот увидишь, в нем тоже отлично живется, – сказал Отис.

Я решила, что отныне он станет моим лучшим другом. Эзра упоминал, что Отис самый милый из его соседей, но о том, что он обладает даром разряжать буквально наэлектризованную обстановку в комнате, я до сих пор не подозревала.

– Спасибо, Отис.

– Я тоже за то, чтобы ты осталась, – заявил Кэм, проходя с тарелками и приборами мимо меня к столу.

Отис и Эзра с целым противнем тако и тарелками с начинкой последовали за ним. Парни расселись за столом и начали наполнять свои тако.

Единственные, кто еще не сел – это Блейк и я. Он по-прежнему стоял посреди гостиной, смотрел на меня и с поразительным самоконтролем сохранял на лице абсолютно безэмоциональное выражение... лишь глаза метали молнии.

– Мы в большинстве, Блейк. Так что нравится тебе или нет, я точно не отправлю свою сестру ночевать под мостом.

По Блейку было заметно, что он думал относительно этой фразы. Пару мгновений он еще сверлил меня взглядом, затем отвернулся и медленно пошел к столу. Там перехватил костыли под одну руку, взял тарелку и начал накладывать себе еду. Закончив, нагнул и поставил

тарелку на пол. Затем принялся подталкивать ее костылем в сторону коридора. Судя по всему, он отказывался даже сидеть со мной за одним столом.

– Ты, твою мать, серьезно, чувак? – прошипел Эзра. Вид у него был такой, словно брат вот-вот взорвется. Этого я хотела избежать любой ценой.

– Все в порядке, – тут же выпалила я и взяла одну тарелку с тако, а потом вскочила. – Я поем в своей... в гостевой комнате.

И прежде чем кто-либо из них успел что-то сказать, я пересекла гостиную, пройдя мимо Блейка и больше не глядя на него. Сделай я это, он бы наверняка увидел, что мне не удастся удержать маску невозмутимости больше ни на секунду. А он ни за что не должен узнать, какую боль причиняет мне своим поведением.

Глава 3

На следующее утро я специально пошла в душ очень рано, когда никто еще не проснулся. Странное ощущение – стоять в окружении терпких гелей для душа и шампуней. Кроме того, я обнаружила, что в ванной удивительно чисто – один из бзиков братца, которые и раньше всегда приносили свои плоды. Я терпеть не могла убираться, в то время как Эзра был одержим чистотой и всегда наводил порядок.

Закончив с душем, я выглянула за дверь в коридор верхнего этажа. Никакого движения. Я воспользовалась шансом и юркнула вниз, в комнату для гостей, где и оделась.

Не так я представляла себе переезд в Вудсхилл. Погода стояла отвратительная, и я чувствовала себя совершенно не в своей тарелке. Блейк недвусмысленно дал понять, что мне тут не место. И хотя я решила не принимать близко к сердцу ничего из того, что он вчера наговорил, все равно ничего не могла с собой поделаться и постоянно прокручивала в мыслях вчерашний день. Его слова повторялись у меня в голове, пока я красилась и сушила волосы феном; преследовали меня, когда я пошла на кухню, чтобы приготовить себе овсянку, и отправились со мной, когда я замотала шею шарфом, надела шапку и вышла из дома.

Эзра оставил мне на обеденном столе два ключа вместе с запиской: один для входной двери, другой – для двери, которая вела из гостевой комнаты на веранду. Так мне не придется пользоваться главным входом, если Блейку даже это будет неприятно.

Дорога от дома до центра займет примерно пятнадцать минут. Вооружившись планшетом и деньгами, которые удалось выгребсти из карманов чемодана, я отправилась в путь. Так как я уже познакомилась с местным снегом, то надела ботинки, которые иногда носила во время хайкинга² в Лос-Анджелесе, и хотя сегодня опять было жутко холодно, мне уже не казалось, что это так плохо. Мороз помогал сфокусироваться на окружающей обстановке, вместо того чтобы снова и снова мысленно возвращаться в Лос-Анджелес или к Блейку.

Я немного осмотрелась в центре города, который благодаря заснеженным верушкам деревьев и красивым старинным фасадам домов представлял собой просто идиллическую картину, и обнаружила, что он почти вплотную прилегает к кампусу Вудсхиллского университета. Некоторые здания я узнавала по фотографиям, которые Эзра присылал нам с родителями.

Найдя небольшое кафе, в котором были свободные места, я вошла туда и заказала карамельный макиато – и на этот раз оплатила его сама. Потом присела за маленький круглый столик между двумя группами кресел, сняла сумку и глубоко вздохнула.

Больше я не в Лос-Анджелесе. Я в Вудсхилле, а это означает, что пора сосредоточиться на других вещах. Когда в начале актерской карьеры мне не удавалось победить на кастинге, мама повторяла: «Всегда смотри вперед и никогда не оглядывайся назад, Джуд».

Именно это я сейчас и пыталась сделать. Не оглядываться назад.

Я бросила взгляд на доску за прилавком, вбила пароль от Wi-Fi в окошко ввода на дисплее планшета и вошла в свой аккаунт на *eBay*. Это практически единственная платформа, от уведомлений которой я не впадала в панику, а скорее подпрыгивала от радости. Вот как сейчас. Кто-то заинтересовался моим ноутбуком.

– Аллилуйя, – пробормотала я и быстро напечатала ответ.

Потенциальный покупатель решил поторговаться, и я выдвинула встречное предложение в надежде, что он согласится. Если нет, я все равно продам ему ноутбук, но я хотя бы попробовала. В конце концов, сейчас мне пригодится каждый цент. Единственные наличные, которые у меня остались, – это пара долларов, спрятанные в чемодане. Банковский счет ушел в минус,

² *Хайкинг* – вид пешего туризма, как правило, налегке, по хорошо подготовленным тропам и продолжительностью не более одного дня. – *Здесь и далее примеч. пер.*

и пусть, живя с Эзрой, мне не нужно платить за проживание, я все равно хотела вносить свою долю в общий бюджет.

Я разместила несколько новых объявлений о продаже двух сумок и пары лабутенов, которые мама купила мне на премьеру «Дикой розы». При мысли о необходимости в скором времени отправить их постороннему человеку меня затошнило. Я быстро сделала большой глоток кофе, чтобы избавиться от этого ощущения.

Просмотрев рекламу, я начала изучать различные порталы по поиску работы, чтобы узнать, что в этом плане может предложить Вудсхилл. Удручающий ответ гласил: немного. Конечно, кое-какие вакансии нашлись, однако в большинстве случаев требовался диплом о высшем образовании или многолетний опыт работы. Никто не искал неудавшуюся девятнадцатилетнюю актрису даже без школьного аттестата.

Когда я кликнула на объявление ресторана быстрого питания, на *eBay* пришло новое сообщение. Ответил потенциальный покупатель.

«Прости, но больше я не заплачу».

Желание стукнуться головой о столешницу было почти непреодолимым. Мне действительно очень нужны деньги, и если я буду экономить, то, вероятно, продержусь месяц или даже два. Пусть на такую сумму я и не смогу позволить свое жилье, но все-таки добавлю что-то в общий бюджет. С тяжелым сердцем я нажала на «ответить» и отправила подтверждение покупателю.

Потом я угрюмо помешала карамельный макиато и огляделась по сторонам. Хотя еще было рано, многие студенты уже забегали, чтобы выпить кофе или позавтракать. Я наблюдала за подружками, которые низко склонились над столом и о чем-то перешептывались, а затем расхохотались. Они выглядели такими беззаботными. В тот момент у меня появилась стопроцентная уверенность в том, что все в своей жизни я сделала не так.

Если бы я не улетела в Лос-Анджелес, то могла бы приехать с Эзрой сюда.

Если бы я не улетела в Лос-Анджелес, то сейчас бы не оказалась на дне.

Чувство сожаления, охватившее меня, обжигало и причиняло невероятную боль, и на мгновение меня словно парализовало. Я понимала, что нельзя так думать, но ничего не могла с собой поделать. Рана была слишком свежей.

Чтобы окончательно не сойти с ума, мне срочно надо отвлечься. Я достала мобильный и прокрутила список контактов, пока не нашла номер Эверли. Еще одним нажатием я открыла экран нового сообщения.

*«Привет, это Джуд – девчонка, с которой ты вчера столкнулась в кафе.
Я должна тебе кофе. Есть время и настроение?:)»*

Долго не раздумывая, я нажала «отправить».

Чтобы снова и снова не проверять в телефоне, прочитала ли уже Эверли сообщение и ответила ли, я прошлась по другим объявлениям на *eBay*, размышляя, могу ли предложить какие-то услуги. Я, конечно, не так хороша в чистке и уборке, как Эзра, зато по части глажки мне нет равных. Может, кому-то нужна помощь по дому? Я как раз открыла одну из заявок и начала вводить текст, когда телефон тихо пикнул. Я мгновенно схватила его и прочла ответ Эверли.

Похоже, судьба послала мне правильного человека.

Я чувствовала себя чуть ли не обманщицей, пока шла среди студентов по территории университета в сторону спортивного корпуса. Чем ближе я подходила, тем больше людей сворачивали на тропинки между деревьями к другим зданиям кампуса. Дважды поскользнувшись на скользкой дорожке, я обрадовалась, когда наконец оказалась на месте. Внутри я стянула

правую перчатку и порылась в сумке в поисках сотового, чтобы еще раз перечитать сообщение Эверли.

– Джуд?

Вскинув глаза, я увидела ее саму, стоящую возле лестницы, которая вела вниз. Сегодня она приподняла половину темных волос. На ней были черные джинсы с узкой белой рубашкой, напоминавшей о лете.

Я широко ей улыбнулась:

– Привет. – Я сняла шапку, запихнула ее в сумочку и смахнула волосы с лица.

– Идем. – Эверли кивком головы показала, чтобы я следовала за ней. Мы вместе спустились по лестнице. – Без проблем добралась?

– Я сидела в кафе неподалеку, – ответила я, – и уже чуть-чуть изучила местность.

– В Вудсхилле красиво, правда? Хотя... ты говорила, что приехала из Калифорнии.

Мне показалось милым, что она это запомнила, и я кивнула:

– Пока мне здесь нравится. И по всей видимости, мне придется много времени проводить на улице.

Она искоса бросила вопросительный взгляд и открыла дверь в раздевалку, пропуская меня вперед.

– А можно спросить почему?

– Конечно можно! Как бы смешно это ни звучало, мой брат живет вместе с моим бывшим парнем.

– Звучит не очень-то смешно.

– Мне хотелось, чтобы это прозвучало немного лучше, чем есть на самом деле.

– Ауч. Все так плохо?

Я замерла. Без понятия, насколько разумно рассказывать все незнакомке, особенно если учитывать, что сейчас мы находимся в спортивном зале – месте, где наверняка постоянно тренируются Эзра, Блейк и остальные. Я не знаю, знакома ли Эверли с моим братом и его соседями по дому, но определенно будет лучше, если я не стану называть имен и сообщать ей слишком много подробностей, хотя очень хотелось с кем-то ими поделиться. Просто на всякий случай.

Эверли, судя по всему, почувствовала мою нерешительность и кашлянула.

– Ты кажешься хорошим человеком и легко сходишься с людьми.

Я улыбнулась ей:

– Это самое приятное, что я слышала за последние несколько недель.

– Знаешь, если сейчас все плохо, уверена, со временем углы сгладятся. – Она одарила меня подбадривающей улыбкой.

– Точно, – ответила я, хотя по-настоящему в это не верила. То, что испытывал ко мне Блейк... Его эмоции накапливались на протяжении почти полутора лет и точно не изменятся за короткое время. Впрочем, мне не хотелось сейчас это обсуждать.

Мы пересекли раздевалку и теперь стояли в пустом зале. Я огляделась.

– Скажи, а что мы вообще здесь делаем?

Эверли направилась к какому-то помещению в конце зала и вытащила связку ключей из кармана, потом открыла дверь.

– С начала этого месяца я ассистент тренера команды чирлидеров. У нас сейчас тренировка, и мне надо кое-что подготовить.

– И я могу помочь?

– Разумеется. – Она вручила мне контейнер, заполненный эластичными лентами. Сама подняла стопку матов, после чего мы вышли из маленькой комнатки и вернулись в зал.

– Ты выглядишь очень молодой для тренера, – осторожно заметила я, надеясь ее не обидеть.

– Потому что я еще учусь. С этой должностью все получилось совершенно случайно. – Когда она заговорила об этом, у нее засветились глаза.

Я поставила контейнер с лентами и помогла Эверли разложить маты на полу.

– Вот бы у меня тоже так случайно получилось. До этого я прочесывала открытые вакансии и не нашла совсем ничего подходящего.

– Я тоже буду держать руку на пульсе.

– Было бы здорово, спасибо.

– Без проблем. Приехала бы ты на две недели раньше, могла бы устроиться на мою прежнюю работу.

– А сейчас уже слишком поздно?

Она согласно хмыкнула:

– К сожалению, да, они уже наняли кого-то другого.

Вот дерьмо.

Выровняв мат у своих ног, я собрала всю оставшуюся мотивацию.

– Ладно, найду что-нибудь.

– Я тоже так думаю. – Эверли начала раскладывать на матах ленточные эспандеры. – А ты, похоже, оптимистка. Мне есть чему у тебя поучиться.

У меня вырвался смешок:

– Ты просто пока плохо меня знаешь. – После того как она бросила на меня вопросительный взгляд, я быстро продолжила: – В семнадцать лет я переехала из Сиэтла в Лос-Анджелес. Одна. Было трудно находиться так далеко от семьи. Затем я потеряла работу, ради которой туда прилетела, рассталась с парнем и в последующие месяцы пыталась прорваться в Голливуд – безрезультатно. – Я пожала плечами. – А теперь я тут и забыла все остатки оптимизма в Калифорнии.

Мгновение Эверли молчала.

– Звучит ужасно. Особенно, что ты так рано начала самостоятельную жизнь. Я даже представить себе не могу, как бы жила на таком расстоянии от мамы. Мне нравится, что я могу спонтанно к ней приехать, если что-то случилось, и наоборот.

Она явно не намеревалась меня обидеть, и все же ее слова укололи. Я жутко скучала по родителям. Всегда, когда видела что-то забавное, я хотела рассказать об этом папе, а когда становилось грустно, мне не хватало маминых объятий. То, что мне не удалось прилететь домой даже на Рождество, ранило сильнее всего. Агент организовал мне две роли в массовой, от которых из-за недостатка денег я не могла отказаться, а родители ясно дали понять, как разочарованы тем, что я не приехала домой.

– Извини, не хотела показаться бестактной.

– Ничего подобного, – поспешно откликнулась я и прочистила горло, услышав, как сипит мой голос. Я зависела от последних крох мотивации, если не хотела окончательно сломаться, так что крепко цеплялась за это чувство. Напускной оптимизм всегда гораздо лучше его альтернативы.

– Если тебя это утешит: в Вудсхилле каждый быстро находит друзей. Даже кто-то вроде меня.

Интересно, что она имела в виду? На меня она произвела впечатление очень открытого человека, пусть поначалу я немного выбила ее из колеи.

Прежде чем я успела задать вопрос, дверь распахнулась и в зал вошли чирлидеры. Они были одеты в темные спортивные штаны и обтягивающие майки с логотипом университета, и все просияли при виде Эверли.

– Тогда хорошо, что из всех мест меня занесло именно сюда, – торопливо добавила я, не зная, услышит ли вообще Эверли.

Она повернулась ко мне и улыбнулась.

– Именно это я и хотела сказать. – Она быстро перевела взгляд с меня на девочек и обратно. – Если хочешь, останься и посмотри нашу тренировку, а потом можем пойти пить кофе, который ты мне предлагала. Идет?

Меня захлестнуло облегчение. На секунду я подумала, что придется снова возвращаться домой.

– Так и сделаем, – согласилась я и ответила ей широкой улыбкой.

Глава 4

Ключ застрял. Руки дрожали, пока я пыталась его повернуть. К этому времени солнце уже зашло, а веранда освещалась очень слабо.

– Ну давай же, – бормотала я, снова пробуя повернуть ключ. Пальцы превратились в ледышки, и замок, вероятно, промерз точно так же.

Вдруг дверь в мою комнату распахнулась изнутри, из-за чего я буквально перелетела через порог и уставилась в лицо брата, который взирал на меня, низко сдвинув брови над переносицей.

– Какого черта ты тут делаешь?

– Вернулась домой, чтобы зайти к себе в комнату, переодеться в пижаму и лечь спать.

Эзра ошарашенно моргнул. Затем складочки у него на лбу стали еще глубже.

– Во-первых, у нас есть главный вход, которым ты можешь пользоваться. Во-вторых, сейчас только шесть часов. Почему ты уже собралась в кровать?

Мне понадобилось три попытки, чтобы вытащить ключ из замочной скважины. Справившись с этим, я наклонилась, чтобы развязать двойные узлы на шнурках.

– Во-первых, я подумала, что будет лучше, если я буду как можно меньше показываться в остальной части дома. И во-вторых, у меня джетлаг³.

– Между Калифорнией и Орегоном нет разницы во времени, – сухо заметил Эзра и закрыл за мной дверь, а я тем временем наконец скинула обувь.

– Точно нет? А кажется, что есть. – Я на ходу стянула с себя пальто, после чего завалилась на кровать – лицом в подушку.

Брат подошел ближе, мне были слышны его шаги. Около меня он остановился.

– Джуд? – раздался голос Эзры.

Повернув голову набок, я уперлась взглядом прямо в его ноги. Подняла глаза выше. Он стоял перед кроватью со скрещенными на груди руками и серьезно смотрел на меня.

– Я поговорил с Блейком, – произнес он.

Неожиданно я напряглась всем телом, потому что испугалась его следующих слов. Что, если он убедил Эзру и остальных выкинуть меня из этого дома? Что, если...

– Я сказал ему, что это он вылетит отсюда, если будет и дальше так по-детски себя вести.

Я рывком села:

– Ты... что?

– Я сделал Блейку предупреждение, чтобы он не вел себя с тобой как засранец.

Застонав, я потерла лицо обеими руками.

– Честно говоря, я думал, что ты обрадуешься.

Я опустила руки и сердито взглянула на него:

– А с чего бы мне радоваться? Так ты сделал только хуже. Премного благодарна ни за что.

У него открылся и снова закрылся рот. Эзра отвернулся от меня и отступил на пару шагов, но тут же повернулся обратно и опять подошел.

– Я пригласил тебя сюда без каких-либо вопросов. Я сделал выговор лучшему другу, хотя после его несчастного случая обстановка в доме и так накалена до предела... И это единственное, что ты можешь ответить? – Голос у него дрожал, настолько он был взбешен. – Знаешь что, Джуд? Разбирайся со всем этим дерьмом сама.

Не проронив больше ни слова, брат развернулся на пятках и вышел из комнаты. Когда дверь за ним захлопнулась, я вздрогнула.

Я молча сидела на кровати, пока его последняя фраза продолжала звучать в голове.

³ *Джетлаг* – синдром смены часовых поясов, связанный со сбоем суточных ритмов организма.

Я овца. Настоящая тупая неблагодарная овца. То, что Эзра в принципе за меня заступился, было чудом. Раньше он никогда так не делал. Мне вспомнились времена, когда он с Блейком и другими друзьями играл у нас дома в баскетбол. Как мне хотелось посмотреть, а он просто запустил мне мячом в голову, чтобы потом от души поржать над этим со своими приятелями. Эта ситуация, можно сказать, отражала все наше детство и юность. Только в год, когда нам обоим стало ясно, что скоро мы перестанем видеть друг друга каждый день и, скорее всего, будем жить в разных штатах, мы сблизилась. Наши отношения изменились и стали намного теплее. Мы начали много разговаривать и делиться друг с другом своими страхами. Эзра дал понять, что доверяет мне больше, чем любому другому человеку в этом мире. А сейчас... сейчас я обидела его и одним предложением растоптала всю его помощь.

Тяжело поднявшись, я сняла кофту и повесила ее на спинку стула. Потом в нерешительности замерла посреди комнаты. Последние дни меня совершенно вымотали. Лос-Анджелес отнял все, о чем я мечтала на протяжении нескольких лет, и я решила, что этого достаточно. Не хочу, чтобы помимо Блейка на меня злился и Эзра.

Я сделала глубокий вдох и задумалась. Затем направилась к чемодану и нагнулась, чтобы поискать ноутбук. Тот нашелся между двумя платьями и парой джинсов. Он уже был завернут в два слоя пупырчатой пленки. В конце концов я подхватила еще и планшет, собралась с духом и вышла из комнаты.

Из гостиной доносилась тихая музыка. Когда я, поколебавшись, все-таки переступила порог, то увидела сидящего на диване Блейка. Правую ногу он разместил на журнальном столике, а на колени положил ноутбук, стук клавиш которого отчетливо раздавался в комнате.

Я кашлянула, и он вскинул на меня глаза.

Удивительно, насколько каменным казалось его лицо. Мы с Блейком знакомы почти всю жизнь, и никогда – действительно никогда – он не выглядел вот таким. Блейк, которого я знала, буквально искрился жизнью. Даже когда он уставал после многочасовых тренировок, в нем бушевал заряд энергии, которого хватало на то, чтобы танцевать со мной в саду родителей, поднимать вверх и, громко смеясь, кружить.

Судя по всему, от того Блейка не осталось и следа. И мне придется с этим смириться.

– Прости, – едва слышно пробормотала я и отвела взгляд. – Я не буду долго тебе надоедать. Просто поищу какую-нибудь коробку.

Не дожидаясь его реакции, я прошла на кухню, положила ноутбук на столешницу и наклонилась, чтобы открыть шкафчик слева от духовки. Когда там обнаружили лишь кастрюли и несколько сковородок, я закрыла дверцу и полезла в следующий. Там мне тоже не повезло: вместо коробки я отыскала только подарочные пакеты, пластиковые банки и много, очень много бутылок с алкоголем. Я тихо вздохнула и поднялась, чтобы изучить содержимое встроенных шкафов рядом с мойкой.

Неожиданно стук клавиатуры затих.

Тогда я обернулась к Блейку и увидела, что он потянулся за костылями. Затаив дыхание я следила, как он медленно встал. Очевидно, ему невыносимо даже пару минут дышать со мной одним воздухом и не терпелось быстрее оказаться подальше.

Я уже была готова проводить его едким комментарием, но вдруг заметила, что он двигается не к двери, ведущей из гостиной, а наоборот – в мою сторону. Не двигаясь, я наблюдала за ним, пока Блейк обходил кухонную стойку и наконец остановился передо мной.

Он ничего не говорил. Его взгляд медленно бродил по моему лицу, глазам, щекам, носу, рту, и казалось, будто он ко мне прикасается.

Я сглотнула сухой ком в горле.

– Ты выглядишь по-другому, – ни с того ни с сего произнес он.

Я так же неприкрыто рассматривала его. Волосы стали короче, чем раньше, щеки словно чуть-чуть впали, и я не знала, что думать об отросшей щетине. Все это придавало ему какой-то

угловатости и неприступности. Насколько сильно можно измениться за такое короткое время? Он казался мне абсолютно другим человеком, и я спрашивала себя, возникло ли у него такое же ощущение относительно меня.

Я знала, что стала выглядеть иначе. Агентство, с которым я заключила контракт, полностью преобразило меня сразу после переезда в Лос-Анджелес. Волосы теперь доставали мне до плеч, я ходила к звездному стилисту и осветляла пряди. Для множества кастингов у меня появился новый гардероб. В общем, из меня делали бренд, который должен был смотреться современно и молодежно и соответствовать начинающей актрисе. Кроме того, я подправила нос. После того как в подростковом возрасте мне его сломали (спасибо, Эзра), осталась маленькая горбинка, которая всегда мешала. Когда закрыли «Дикую розу», агент посоветовал мне сделать операцию. Он утверждал, что она поможет получать новые и более значительные роли, а я оказалась слишком глупа и поверила в это.

Отвернувшись, я откашлялась.

– Мне надо его упаковать, – охрипшим голосом я сменила тему и указала на ноутбук.

Блейк раскрыл рот, как будто хотел что-то сказать, однако потом снова его закрыл. На пару секунд его взгляд задержался на компьютере, а затем он прислонил один костыль к столешнице и махнул на два шкафчика над мойкой.

– Посмотри там.

Я развернулась и вытянулась, чтобы достать до одной из дверок.

– Сколько алкоголя вы тут вообще держите? – спросила я, когда рядом с тарелками и стаканами обнаружила лишь две громадные бутылки водки.

Блейк проигнорировал вопрос. Я услышала, как он сделал шаг ко мне. Потом он потянулся мимо меня к правому шкафчику, задев рукой мои плечо и волосы.

Внезапно я застыла на месте, зажатая между ним и раковиной. Мы стояли невероятно близко друг к другу, и секунды текли словно в замедленной съемке.

Грудь Блейка коснулась моей спины. Во мне вспыхнули одновременно жар и боль. Я изо всех сил сражалась с ними, но все без толку. Волоски на руках встали дыбом, и я воспринимала все больше деталей. Его запах, который остался таким же, как и прежде. Его предплечье, которое выглядело сильнее и на котором проступали вены.

Мы оба тяжело дышали. Воздух между нами буквально гудел. Никто из нас не пошевелился, когда грудь Блейка вновь дотронулась до моей спины. Хотя внутренне мы были как никогда далеки друг от друга, наши тела в этот момент, похоже, взаимодействовали в полной гармонии. Его тепло до сих пор казалось мне роднее всего на свете. И я хотела большего. Словно не подчиняясь самой себе, я слегка отклонилась назад, чтобы усилить контакт. На несколько бесконечных мгновений мы замерли в таком положении. По коже бегали мурашки, а в голову закралось желание, чтобы Блейк что-нибудь сделал. Хоть что-нибудь.

Как будто прочитав мои мысли, он опустил голову. Его борода царапнула мое ухо, и в венах забурлила кровь. Я не могла больше ясно мыслить.

– Я не хочу, чтобы ты здесь оставалась. – Его бархатный голос резко контрастировал со словами.

Когда до меня дошло, что он сказал, жар, который я ощущала совсем недавно, сменился ледяным холодом. Организм словно включил автопилот. Я медленно повернулась к нему.

Несмотря на тепло, которое он только что излучал, лицо и тело Блейка напряглись, как натянутая струна. Глаза яростно сверкали.

У меня в сознании всплыли образы из прошлого, которые показывали нас с ним вместе в точно таких же позах. Разве что выражение в его глазах тогда было не мрачным, а страстным. И в тот раз он сократил расстояние между нами и прижал меня к себе. Однако, глядя на него теперь, я осознавала, что такого больше никогда не повторится.

Я сглотнула:

– Вчера ты довольно ясно дал это понять.

– Видимо, недостаточно ясно.

Усилием воли я подавила бушующие в душе чувства. На краткий миг мне захотелось, чтобы мы никогда не расставались. Детская глупая мысль. Нельзя повернуть время вспять. Вместо этого мне нужно срочно стереть картинки прошлого из своей памяти. Нам придется привыкнуть к ситуации, потому что ничего не изменится.

– Что я, по-твоему, должна сделать, Блейк? – Я старалась говорить спокойным тоном, но сама слышала, как отчаянно это прозвучало.

– Мне уже давно плевать, что ты делаешь. – Он дотянулся над моей головой до шкафчика, вытащил коробку и сунул мне в руки. Потом взял костыль, который ранее прислонил к столешнице, и отвернулся. – Как по мне, ты могла бы навечно остаться в Лос-Анджелесе, – заявил он, стоя спиной ко мне.

После этого Блейк снова похромал к дивану, где схватил свой контроллер с такой яростью, как будто только что едва не вlepил мне грандиозную пощечину, а я тем временем стояла на кухне и приходила в себя.

Глава 5

До конца недели я избегала Блейка – насколько это возможно, если вы делите ванную и кухню. Эзру я тоже практически не видела. Я дожидалась подходящей возможности, чтобы еще раз спокойно с ним поговорить, однако он пропал либо на тренировках, либо в университете, либо находился в компании Кэма, Отиса и Блейка. В мою комнату он больше не заходил, но удивительным образом замок в двери на веранду оказался смазан, так что ключ теперь легко вставлялся и вытаскивался.

С поиском работы в Вудсхилле дела по-прежнему обстояли плохо, и я понемногу оставляла надежду быстро куда-то устроиться. Поэтому в субботу днем я вновь отправилась в кампусное кафе, выпила карамельный макиато и продала две последние дизайнерские сумочки, которые у меня остались. Хотя выручка не дотягивала и до половины первоначальной цены, за которую я их покупала, так у меня по крайней мере будет небольшая подушка безопасности... Хотя ее и близко не хватит, чтобы снять собственную квартиру.

Потом я попыталась отвлечься, продолжив изучать Вудсхилл и его окрестности. С музыкой в наушниках я позволила интуиции меня вести и в конце концов оказалась у невероятно красивого озера у подножия горы. Там села на скамейку и смотрела в никуда, пока не стемнело, а я совсем не продрогла. После этого я уже не могла и дальше откладывать возвращение домой, к тому же желудок громко урчал от голода.

Я очень надеялась, что у ребят имелись планы на вечер и они уже разошлись. Впрочем, отперев дверь веранды, я быстро убедилась в обратном. Я сразу услышала громкую музыку, звучащую где-то в доме, а в моей комнате сидело трое человек, которых я раньше никогда не видела.

Я уставилась на них:

– Эм-м... Здравствуйте?

– Привет, – отозвалась девчонка за столом, не поднимая носа от мобильного.

– Может, хотя бы слезете с моей кровати? – спросила я, обращаясь к парочке, удобно устроившейся на одеяле.

– Я даже не знал, что здесь живет пятый человек, – заявил парень, который со скрещенными за головой руками прислонился к изножью кровати.

А я не знала, что тут сегодня вечером будет вечеринка, – подумала я. Очевидно, никто из соседей не счел необходимым сообщить об этом мне.

– Только с начала недели, но вообще это к делу не относится, – ответила я, раскручивая шарф с шеи. Потом я сняла пуховик и демонстративно прошла к двери, чтобы ее распахнуть. – Мне бы хотелось переодеться, если вы будете так любезны.

Плевать, посчитают они меня грубой или нет. То, что после утомительного дня я прихожу в свою комнату и сталкиваюсь с абсолютно незнакомыми людьми, после того как всю неделю на цыпочках передвигалась по дому, будто преступница, меня категорически не устраивало. Это напомнило дом в Лос-Анджелесе, в котором я жила и где в мою комнату тоже кто угодно мог войти и выйти, когда ему вздумается. Здесь я такого не хотела, ни за что.

– Нечего злиться, котенок. Мы уже уходим.

От клички, которую дал мне этот тип, я с отвращением скривилась.

Он встал с кровати, взял за руку свою спутницу, и они оба покинули мою комнату. Девушка с мобильником следовала за ними по пятам.

Судя по уровню шума в гостиной, в доме стало еще больше гостей. На мгновение я взвеси́ла мысль просто переодеться в пижаму и сразу лечь в постель. Я была абсолютно не в настроении для знакомства с новыми людьми, не говоря уже о тусовке. Но тогда желудок уже в кото-

рый раз протестующе зарычал, напоминая о том, что после завтрака в нем ничего не было, кроме карамельного макиато. Мне срочно нужно что-нибудь съесть.

Издав вздох, я опустила глаза вниз и проверила, годится ли мой наряд для вечеринки хотя бы немного.

Могло быть и хуже: джинсы-бойфренды с дырками на коленках и футболка оверсайз, завязанная узлом сбоку на талии. Я взъерошила волосы в надежде придать им нарочно растрепанный вид, сделала глубокий вдох и открыла дверь.

Когда я зашла в гостиную, мне мгновенно стало ясно, зачем парням столько спиртного в шкафах. В школьные годы я постоянно умоляла Эзру и Блейка взять меня на вечеринку к спортсменам, хотя я была слишком маленькая для этого. Гулянки устраивались каждый выходной в разных домах, которые в большинстве случаев набивались до отказа, и не единожды полиция разгоняла тусовки, даже не дав им по-настоящему начаться.

То, что в данный момент творилось у нас, казалось усовершенствованной версией тех вечеринок: из динамиков в гостиной грохотала музыка, повсюду люди стояли вплотную друг к другу и танцевали, болтали, смеялись. Из сада перед домом тоже слышался громкий гул голосов и смех, а на кухне были выставлены многочисленные бутылки с алкоголем, которые я недавно обнаружила в шкафчиках, вместе со всякими закусками и громадными коробками с пищей.

Я высматривала брата, но нигде его не увидела. В итоге я протолкалась через толпу народа, чтобы хотя бы раздобыть немного хлеба и бутылку воды, прежде чем опять удалиться в свою комнату. Здесь тоже везде стояли люди, и некоторые из них как ни в чем не бывало залезали в холодильник. Наверное, мне стоит пересмотреть свой вклад в общий бюджет, раз тут постоянно закатывают такие вечеринки.

Дверь холодильника захлопнулась, и за ней показалась девушка с черными волосами. Она уставилась на меня так же ошарашенно, как и я на нее.

– Джуд?

Я с облегчением выдохнула и обняла Эверли.

– А ты что здесь делаешь? – поинтересовалась она.

Я отпустила ее.

– Я тут живу. Это дом моего брата.

У нее открылся и снова закрылся рот.

– Кто твой брат?

– Эзра.

Движения рта повторились, и я, не удержавшись, усмехнулась.

– Эзра? Хмурый неразговорчивый Эзра? – в шоке переспросила она.

– Ну... мы не такие уж разные.

Эверли разглядывала меня, как будто впервые видела.

– Ты права. Но ты такая... – она явно подыскивала правильное слово, – такая *милая*.

Я прыснула от смеха и почувствовала, как потихоньку ослабевает мое напряжение. Благодаря присутствию Эверли я уже не ощущала себя непрошеным гостем, а словно заслужила свое место на этой вечеринке, поскольку она для меня кто-то вроде подруги.

– Эзра умеет быть милым, если захочет. – Я вяло попыталась заступиться за брата. Сама знала, какое отталкивающее впечатление он производит на посторонних. Так было еще с детства. Но одно дело, когда я о нем так отзывалась, а другое – когда так говорил кто-то другой.

– Ну, со мной он редко хочет быть милым, – ответила она и сделала глоток апельсинового сока из стакана. – Хочешь тоже чего-нибудь? Постой, забудь. Ты же здесь живешь. Зачем я тебя об этом спрашиваю?

Ухмыльнувшись, я подошла к кухонному шкафу, чтобы достать стакан. Увы, полки уже полностью опустошили. Я открыла второй и замерла. Это тот самый, откуда Блейк вчера выта-

щил коробку. Я не собиралась думать о жаре, который вызвала во мне близость к нему, и о непонятном ощущении, от которого колени внезапно стали ватными.

Я быстро выхватила первую попавшуюся кружку и одну из бутылок водки и плеснула себе щедрую порцию.

– Это очень много водки, – прокомментировала Эверли.

– Много водки за отвратительную неделю, – откликнулась я и задумалась, не добавить ли еще, но решила, что лучше не надо.

В итоге я вытащила из холодильника апельсиновый сок и долила его в чашку. Затем повернулась к Эверли и подняла руку.

Она чокнулась своим стаканом о мою кружку.

Я сделала пару больших глотков. Заметив улыбку, которую старалась спрятать Эверли, внимательнее присмотрелась к чашке. На ней обнаружилась надпись: «баскетбол `секс».

Я закатила глаза. Блейк подарил эту кружку Эзре на какой-то день рождения, и мне она всегда казалась идиотской. Чудо, что именно эта вещь пережила дорогу из Сиэтла сюда. Возможно, она настолько священна для Эза, что он завернул ее в двадцать слоев газеты, чтобы не разбить.

– Есть новости по поиску работы? – неожиданно полюбопытствовала Эверли.

Я помотала головой:

– К сожалению, только куча отказов. Зато сегодня мне все-таки удалось продать парочку вещей.

Упс. Это вырвалось совершенно случайно. Вообще-то никто не в курсе моих проблем с деньгами, и так должно оставаться. По всей видимости, все дело в гипнотических глазах Эверли. Я лихорадочно копалась у себя в мозгах в поисках какой-нибудь фразы, чтобы сменить тему.

– Вы с Эзрой хорошие друзья? – выпалила я.

Она расхохоталась:

– Не особо. Иногда у меня возникает ощущение, что он просто меня терпит. Я здесь только потому, что...

– Эверли, – раздался голос Блейка.

Я вздрогнула, а потом повернулась к нему.

Он стоял на границе гостиной и кухни, прислонившись боком к кухонной стойке.

– Ах вот ты где! – воскликнула Эверли и просияла. Она подошла к Блейку и обняла его так порывисто и крепко, что у меня заныло в животе.

Он тоже обнял ее одной рукой, не отпуская костыль, и через плечо Эверли бросил на меня пронизывающий насквозь взгляд.

– Ты не говорил, что у вас новая соседка, – сказала она, после того как отстранилась от него и стукнула по плечу.

– Вы знакомы? – тихо спросил Блейк.

С ней он разговаривал совершенно иным тоном, нежели со мной. Заметно, что Эверли много для него значит. Он смотрел на нее с теплом в глазах, и это тоже причиняло мне боль. Как же хотелось избавиться от подобного чувства, но пока не получалось.

– Мы познакомились сразу после ее приезда. Это она была со мной на тренировке. Кстати! Все так хорошо прошло. Тренер Карлсон сказала, что на следующей неделе даст мне два часа. Одной! Можешь себе представить?

– Конечно могу. Ты лучший ассистент тренера, которого они только могли найти, – ответил он.

– Какой ты милый. И насколько я вижу, теперь ты спустился добровольно. Разве это не прогресс?

– Потому что в противном случае ты бы приволокла меня сюда за волосы. Как на Новый год.

Эверли фыркнула:

– Чуть какая. Я даже не приближалась к твоим волосам. Они были слишком солеными, а ты тогда чересчур долго не мылся.

Блейк попытался ткнуть ее костылем, но она проворно увернулась и лишь засмеялась. Если бы в прошлый раз Эверли с сияющими глазами не рассказывала мне о своем парне, который работает преподавателем в университете, в этот момент я бы спросила себя, не связывает ли их с Блейком нечто большее. Очевидно, что эти двое очень близки.

В животе что-то болезненно завязалось узлом.

– В следующий раз будь быстрее. Пошли, Джуд. – Она махнула мне, и я нерешительно последовала за ней.

Когда я проходила мимо Блейка, тот поймал меня за руку. Он мягко меня удержал, даже слишком мягко. Я боялась поднять на него глаза, но все же сделала это. Стоило Эверли выйти из зоны слышимости, как тут же вернулся ледяной взгляд Блейка, предназначавшийся, видимо, исключительно для меня.

– Из-за тебя я уже поссорился с Эзрой, – произнес он, – и не допущу, чтобы теперь ты отняла у меня еще и лучшую подругу.

Мне показалось, что стены вдруг начали вращаться. В горле пересохло, и я сильнее стиснула в пальцах кружку. Я видела Эверли, которая села за стол рядом с Эзрой и заговорила с ним, хотя того это, похоже, не особенно волновало. Она пихнула его плечом в плечо, в результате чего у него слегка дрогнули уголки губ. После этого она взглянула на свой телефон и что-то напечатала, прежде чем снова посмотреть на меня, стоящую на кухне. Ее выжидательный взгляд словно выдавил весь кислород у меня из легких.

– Ясно, – еле слышно отозвалась я.

Потом я стряхнула руку Блейка, пересекла гостиную и вышла на улицу, где мне в лицо ударил жуткий холод. Я ни разу не оглянулась назад. Ни на Блейка, ни на Эверли.

Если бы днем кто-то сказал мне, что через пару часов я буду лепить снеговика с абсолютно незнакомыми людьми, я бы, наверное, презрительно хмыкнула. Однако сейчас... я смеялась. Действительно смеялась, стоя среди небольшой компании на морозе и катая гигантские снежные шары. И даже по-настоящему получала удовольствие, хотя в этом могло быть виновато огромное количество алкоголя, которое я продолжала пить на пустой желудок.

– По-моему, ему нужен другой нос, – произнесла девчонка рядом со мной, склонив голову набок и глядя на банан, который кто-то принес из кухни.

– Вид немного специфический, – согласилась я, – но, может, это его изюминка.

После того как мы добавили снеговика еще пару-тройку самодельных пуговиц и кто-то пожертвовал свой шарф, он стал выглядеть просто идеально.

– Давайте сфотографируемся! – закричал присоединившийся к нам в какой-то момент Отис.

Остальные напились не меньше меня, так что никого уже не волновало, насколько все это глупо. Однако фотографироваться я не стала. Я не знала этих людей и не знала, на какие аккаунты в итоге попадет снимок и кто его сможет увидеть. Меня и так напрягала необходимость постоянно внимательно следить за собственными социальными сетями, поэтому не хотелось лишней раз рисковать.

– Я сфотографирую, – предложила я и протянула руку Отису.

Он передал мне смартфон и побежал к ребятам, которые уже выстроились вокруг снеговика.

Я немного неуверенно стояла на ногах, поскольку пила все, что мне предлагали. Поэтому на то, чтобы сделать фотографии, ушло несколько секунд. Затем я вернула Отису телефон, и наша группа постепенно разбрелась, потому что в гостиную вечеринка к тому моменту достигла своего пика.

Когда я вошла в дом, Эверли нигде не было видно, но, возможно, это даже к лучшему. Так меня по крайней мере минует опасность рассорить Блейка с лучшей подружкой.

Подойдя к дивану, я плюхнулась на него. Музыка гремела и гудела. Вскоре меня нашли Отис и Кэм. Увидев, что моя чашка пуста, они сунули мне какой-то коктейль. Я отсалютовала им обоим и сделала глоток, хотя в животе уже бурлило.

Перед глазами все слегка расплывалось, когда я огляделась по сторонам... и как будто в меня был встроен внутренний радар, взгляд скользнул по толпе и остановился на обеденном столе. За последние два часа Блейк обзавелся компанией. Какая-то девчонка придвинула свой стул вплотную к нему. Одной рукой она подпирала подбородок и буквально не отрывала глаз от его губ. При этом она накручивала на палец прядь волос и снова ее распускала, что вызывало у Блейка улыбку. Он поднял руку и, подражая ее движению, дотронулся до ее щеки.

– С ума сойти, – как будто издали донесся до меня голос Кэма. – Даже так он цепляет одну за другой. Как ему это удастся?

– Без понятия, – ответил Отис.

– Нет, серьезно. Мне интересно, как с точки зрения анатомии это возможно с ортезом.

– Если лежишь снизу, особенно не напрягаешься.

У меня не получалось не обращать внимания на их слова. Не сводя глаз с Блейка, я сделала большой глоток коктейля.

Я прекрасно помнила, как раньше чувствовала себя, когда Блейк так на меня смотрел. Одно его взгляда хватало, чтобы совершенно сбить меня с толку. А когда он прикасался, меня просто охватывало пламя. Такое ощущение за всю жизнь я испытывала лишь с ним. Наблюдать, как он соблазняет другую женщину, видимо, было моим наказанием за то, что я разрушила нашу любовь.

Блейк наклонился вперед и шепнул что-то на ухо девушке, отчего она покраснела. Когда он снова отстранился, она кивнула. Мгновение спустя она поднялась, и Блейк сделал то же самое. Он на секунду положил руку ей на спину, прежде чем взять костыли и вместе с ней направиться в сторону коридора, без сомнения, чтобы уединиться в его комнате.

Мое сердце буквально выскакивало из груди. Я не могла больше спокойно сидеть и так резко встала, что жидкость выплеснулась из бокала и потекла по пальцам. Тихо выругавшись, я вытерла ладонь о джинсы, и одновременно с тем у меня закружилась голова. Тем не менее я залпом опрокинула в себя остатки алкоголя и поставила стакан на журнальный столик, стукнув по нему сильнее, чем надо. Потом покачнувшись и вынуждена была опереться на стол.

Кэм поймал меня за руку, чтобы я не упала.

– С тобой все в порядке? – спросил Отис.

Я обернулась к нему и Кэму и кивнула с натянутой улыбкой:

– Спасибо за коктейль. Думаю, мне лучше лечь в постель.

И прежде чем кто-то из них успел что-либо сказать, отвернулась.

Стены кружились, а музыка как-то приглушенно грохотала у меня в ушах, пока я пробиравалась мимо веселящихся гостей к себе. Единственным, что я слышала громко и отчетливо, был собственный зашкаливающий пульс.

Трясущимися пальцами я открыла дверь в комнату и захлопнула ее за собой. Потребовалось несколько заходов, чтобы снять штаны, и все равно я споткнулась. Потом из последних сил доползла до кровати и зажмурилась.

Через несколько секунд сверху донесся скрип. Поначалу такой тихий, что из-за музыки его почти не было слышно, однако с каждой минутой он становился громче.

Я уставилась на потолок. Очень медленно до меня дошло, что происходило наверху.

Стены вращались все сильнее, и я перекатилась на бок. В последний момент мне удалось дотянуться до мусорного ведра под столом. Пока спинка кровати Блейка ударялась о стену, посылая в мою комнату ритмичный стук, я исторгала все содержимое желудка. И хотя я обещала себе больше не плакать после Лос-Анджелеса, ни секунды больше не могла бороться со слезами. Рыдая, я цеплялась за ведро, когда тело содрогнулось от второго приступа тошноты.

Глава 6

Четыре года назад

Я взяла маркер, который до этого сунула за ухо, и зубами сняла крышку. Зеленым стержнем провела по строчкам, которые нужно было выучить наизусть. Выделив все, прочла диалог несколько раз подряд. И лишь когда появилось ощущение, что я более-менее запомнила последовательность предложений, закрыла глаза и прошептала текст так тихо, чтобы меня никто не услышал.

– Что делаешь, Блинчик? – спросил кто-то и сел передо мной на скамейку. Я сидела на ней верхом, расставив ноги и болтая ими по обеим сторонам, и этот человек сделал то же самое.

Я хмуро взглянула на Блейка:

– Ты же в курсе, как я ненавижу это прозвище.

Он лишь ухмыльнулся:

– Могу придумать какое-нибудь другое.

– Не знаю, помнишь ли ты, но у меня уже есть имя.

Его ухмылка превратилась в улыбку – улыбку, которая была его секретным оружием. Я подозревала, что к тому моменту Блейк уже прекрасно понял, какое влияние на меня оказывает. В последнее время он улыбался мне еще чаще, чем обычно, и я гадала, к чему бы это.

– Джуд – очень красивое имя, но почти не оставляет простора для воображения в плане сокращений или прозвищ, – задумчиво произнес он. – Я придумаю что-нибудь получше. Что-нибудь, что будет принадлежать только нам с тобой.

Я старалась не искать в его словах скрытый смысл.

– Пока это не «Блинчик», я буду рада любому, – пробормотала я и снова уткнулась в строчки.

– Я запомню.

Он придвинулся ближе. Мое тело не могло решить, как на это реагировать. Мне стало одновременно жарко и холодно. Так происходило всегда, когда он находился рядом со мной – что случалось слишком часто. Блейк и Эзра каждый день зависали вместе. С тех пор как у меня перестало получаться просто отмахиваться от этого покалывания, его присутствие стало сводить меня с ума.

– Ну-ка покажи. – Он потянулся за моим сценарием, однако я оказалась проворней и убрала текст из зоны его досягаемости.

– Тебе больше нечем заняться?

Блейк отклонился на каменной скамье назад и оперся на руки. Пару мгновений разглядывал меня, а потом ответил:

– Вообще-то, нет.

Я приподняла бровь:

– «Вообще-то»? Тебя продинамили?

Он передразнил меня, тоже изогнув одну бровь:

– Во-первых, не надо так самодовольно смотреть. Во-вторых, естественно, меня не продинамили.

– Естественно, нет. – Теперь я не удержалась от ухмылки. В Блейке было больше самоуверенности, чем надо. Сейчас он уже стал даже хуже Эзры, и тем не менее ни на того, ни на другого просто невозможно злиться дольше одной секунды. Они самые дорогие люди в моей

жизни. Пускай эти двое проводили слишком много времени за играми в приставку, слишком часто надо мной подшучивали и, по-моему, чересчур зазнавались.

– Если хочешь знать: это я кое-кого продинамил.

Я встретила с пронзительным взглядом его зеленых глаз. Они сверкали на солнце. Если присмотреться, можно заметить в них маленькие крапинки, которые казались почти коричневыми и придавали его глазам еще большую глубину. Я могла бы часами просто смотреть на него. Со временем черты его лица все сильнее заострялись. И вместе с тем улыбка становилась все теплее, чем дольше мы дружили.

– Бедняжка, – чуть запоздало сказала я.

– Вот именно, бедняжка, – ответил он.

Он подвинулся еще ближе, так близко, что мы соприкоснулись коленями. Вверх по моей шее поднялась волна жара, и я затаила дыхание.

Когда на этот раз он потянулся за моим сценарием, я оказалась недостаточно быстра. Блейк открыл его и полистал страницы. А через пару секунд присвистнул:

– Как много текста.

Я согласно заворчала. К сожалению, мне не удавалось нормально сконцентрироваться, пока он дотрагивался до меня. В голове как будто осталась одна каша. Мне очень хотелось податься еще вперед и закинуть свои ноги на его. Или просто сесть к нему на колени.

– Это для фильма, – пробормотала я. – Сомневаюсь, что роль отдадут мне, но на кастинг все равно пойду.

– Прочь сомнения, Джуд. Я с удовольствием тебе помогу. – Он перевернул страницу, откашлялся и громко прочел выделенный маркером отрывок: – Я так не могу, Мэттью!

– Это моя реплика. Я пробуюсь не на роль Мэттью, – возразила я, но Блейк как будто меня не слышал. Слишком пылко воспроизводил душераздирающий монолог.

– Если мой отец обо всем узнает, он убьет нас обоих! – Он продолжал, пока я не расхохоталась в голос.

Блейк поднял взгляд и посмотрел на меня с открытым ртом. У меня не получилось правильно истолковать выражение его лица, но, кажется, я заметила в нем смущение. Затем он помотал головой, и усмешка вернулась.

– Ты справишься, Джуд. Ты самая лучшая актриса из всех, кого я знаю.

Я улыбнулась:

– И многих ты знаешь?

– Только тебя.

– Тогда это не очень-то весомый аргумент, не находишь?

– Я видел, как ты играешь. Так что сужу с большой долей вероятности.

– Ты ходил только на репетиции, Блейк.

Он взглянул на меня, склонив голову к плечу:

– Почему ты пытаешься убедить меня, что не обладаешь талантом, Джуд?

Во рту пересохло, и я сглотнула. Больше всего мне хотелось снова уставиться в текст, но Блейк так пристально смотрел, что я была не в силах отвести глаза.

– Потому что мне страшно, – тихо призналась я. Произносить эти слова вслух казалось практически чем-то запретным. – Мама с папой столько денег тратят на уроки актерского мастерства. Я больше ничем не занимаюсь и почти не вижу с друзьями. А что, если все это зря? Что, если на прослушивании я опять опозорюсь? Ты же в курсе, что случилось в прошлый раз.

Блейк махнул рукой:

– «Что, если» – это жутко тупая фраза. Я имею в виду, что, если в следующую секунду рухнет здание? Что, если в любой момент начнется зомби-апокалипсис? – Он медленно покачал головой. – Нет смысла ломать голову над тем, «что, если».

– Я не могу просто перестать. Моя голова работает двадцать четыре часа в сутки. И кнопки выключения нет.

Внезапно Блейк вскочил и протянул мне руку.

Мой взгляд скользнул вверх от его ладони до лица.

– Что ты собираешься сделать?

– Помогу тебе нажать на кнопку выключения, – откликнулся он. И требовательно потряс рукой.

У меня перехватило дыхание. Я не имела ни малейшего представления, что он задумал. Но как бы там ни было... это показалось мне в тысячу раз лучше, чем грузиться из-за сценария и прослушивания. Так что я дала ему руку и позволила поднять меня со скамейки.

От длительных тренировок его ладонь стала мозолистой. Он слегка ее сжал, и покалывание превратилось во всепоглощающую силу, от которой все мое тело охватила дрожь.

Мне захотелось, чтобы он никогда меня не отпускал.

Проснувшись, я почувствовала себя зомби.

После того как чуть не выблевала все внутренности и поревела навзрыд, я провалилась в беспокойный сон... где меня буквально преследовали мечты. В мире грез воспоминания обгоняли друг друга, словно даже собственный сон хотел надо мной поиздеваться и напомнить о том, что я разрушила.

Я потеряла лицо руками, еле вылезла из постели и поплелась наверх, в ванную.

А пока чистила зубы, пришла к выводу, что выглядела точно так же, как себя чувствовала: просто мерзко. Волосы торчали во все стороны, лицо приобрело зеленоватый оттенок, а губы высохли и потрескались. Я спокойно могла бы сыграть в «Ходячих мертвецах»⁴ и проделать блестящую работу. Причем без необходимости три часа сидеть перед этим у гримеров.

Взгляд упал на косметичку, которую я спрятала под раковиной. Не хотела отнимать пространство у парней, поэтому засунула ее в самый дальний угол рядом с парочкой рулонов туалетной бумаги. В таком состоянии, как сейчас, мне ни за что нельзя спускаться вниз. Не важно, сколько времени прошло – Блейк мгновенно заметит, как я раздавлена. А я любой ценой хотела это предотвратить.

В надежде смыть с себя вчерашний вечер я терла тело, не жалея геля для душа. После того как вымыла голову, нанесла любимый бальзам, который нужно надолго оставлять на волосах. За это время воспользовалась бритвой. Сполоснув волосы второй раз, еще немного постояла под обжигающими струями. Я наслаждалась горячей водой, пока она буквально не выпарила все мои мысли о прошлой ночи.

Затем я обернула волосы и тело полотенцем и продолжила процедуры, намазавшись любимым лимонным маслом для тела. Потом использовала сыворотку, которую порекомендовала мне одна стилистка из Лос-Анджелеса, за ней в ход пошли крем для лица, средство против кругов под глазами и спрей, от которого кожа должна просто засиять.

В тот момент, когда я брызнула спреем в зону декольте, кто-то покрутил дверную ручку. Я замерла на середине движения и взглянула на тонкую полоску матового стекла на двери. Смутно виднелась только верхняя часть мужской головы, но этого хватило, чтобы у меня сердце ушло в пятки.

Я не готова столкнуться с Блейком. Пока нет. Пока я недостаточно эмоционально стабильна.

Проигнорировав человека за дверью, я продолжила распределять спрей по телу, после чего снова посмотрела на себя в зеркало. В отличие от того, как выглядела, когда проснулась, сейчас я буквально светилась. И внутренне чувствовала себя заметно лучше. Прошла целая

⁴ «Ходячие мертвецы» (англ. The Walking Dead) – американский телесериал-хоррор на тему выживания во время зомби-апокалипсиса. Основан на одноименной серии комиксов.

вечность с тех пор, как я делала для себя что-то хорошее, и теперь была рада, что не рассталась со средствами для ухода, перед тем как переехала сюда.

Я надела черные джинсы с потрепанными краями на щиколотках и к ним белую футболку. После того как высушила волосы феном и целый час укладывалась, я наконец решила, что готова идти вниз. Затем вышла из ванной, намеренно оставив свои вещи лежать на открытом месте. Я не собираюсь больше делать вид, что не живу здесь, только ради того, чтобы не раздражать Блейка. Ведь его явно не интересовало, каково мне.

Хотя в голове до сих пор стучало, а живот сводило от тошноты, я спустилась по лестнице.

В гостиной Эзра и Кэм уже сидели за столом и завтракали, в то время как Отис носился по кухне.

– Доброе утро, – пробормотала я и устремила взгляд к кофеварке.

– Доброе. – Отис вручил мне кружку, и я поблагодарила его улыбкой, прежде чем поставить ее под кран кофеварки и нажать на кнопку с большой чашкой. Машина зарычала, и чуть погодя моего носа коснулся чудесный аромат свежесваренного кофе.

С кружкой в руке я развернулась в сторону гостиной. Ребята сидели за столом с полными тарелками. Они выглядели усталыми, но, похоже, уже устранили большую часть вчерашнего хаоса. Лишь несколько пятен на полу, о происхождении которых я бы предпочла не знать, и парочка стаканов и грязных тарелок указывали на то, что вчера здесь проходила вечеринка.

Я наклонилась, чтобы достать из нижнего ящика кастрюльку, которую поставила на плиту. Было что-то невероятно успокаивающее в приготовлении обычного завтрака. Я делала это с тринадцати лет. Готовила себе его в забронированной через *Airbnb*⁵ квартире, в которой останавливалась, когда только приехала в Лос-Анджелес; и в квартире, которую впоследствии снимала вместе с другими людьми. Эта незначительная часть распорядка дня дарила мне каплю умиротворения – даже после того, как полночи меня то рвало, то сотрясали рыдания, то преследовали мучительные воспоминания.

Я заварила овсянку с молоком и между тем глотнула кофе. Когда парни вдруг начали аплодировать, я так резко обернулась, что немного овсяных хлопьев пролетело по кухне и приземлилось на пол. Впрочем, я практически не обратила на это внимания. Была слишком занята тем, что наблюдала за появившимся в гостиной Блейком. Волосы растрепаны, а на щеке отпечаток подушки. Он казался помятым и усталым, однако томная улыбочка на губах выглядела довольной.

Мой желудок сделал неприятное сальто. Быстро оторвав от него взгляд, я принялась как одержимая мешать кашу.

– Ну, поздравляем, – сказал Эзра.

– А мы с Отисом как раз вчера гадали, как это получится с ортезом.

Тихий стук костылей зазвучал ближе.

– Джентльмен наслаждается и молчит.

Мне потребовалось все самообладание, чтобы сдержаться и не фыркнуть.

Блейк пришел ко мне на кухню. В последний раз, когда мы оказались тут вдвоем, это плохо закончилось. Как и почти все между нами. Он встал у шкафчиков слева от меня, чтобы вытащить оттуда сковородку. Потом взял миску и разбил в нее яйца.

Я не отрывала глаз от своей овсянки.

– У Фрости вчера ночью уже отвалился нос, – сообщил Отис.

Кэм неуверенно проворчал:

– Готов поспорить, что его кто-нибудь съел.

Я сосредоточилась на их болтовне. Не на Блейке, который поставил сковороду на плиту возле моей кастрюли. Не на том факте, что он находился всего в паре сантиметров от меня. Не

⁵ *Airbnb* – онлайн-сервис для краткосрочной сдачи и аренды жилья по всему миру.

на том, что он провел эту ночь с девушкой, а мне пришлось слушать, чем они там занимались. Я почувствовала болезненный укол в груди. И просто не понимала почему.

– Кто способен на такое? Кто, черт возьми, украл бы нос у бедного незащитного снеговика? – сердито воскликнул Отис.

– Я.

Я оглянулась через плечо на брата. Тот в этот момент сунул в рот сразу почти половину панкейка. А когда заметил, что все уставились на него, перестал жевать.

– Зачем ты делаешь такие вещи, чувак? Мы целую вечность трудились над этим снеговиком, чтобы сделать ему идеальную фигуру.

– Насколько я помню, вы вернулись с улицы меньше чем через час, – произнес Блейк так тихо, что остальные его сто процентов не услышали.

– Поразительно, что ты в принципе что-то заметил. В конце концов, ты явно был занят другими вещами. – Эти слова выскочили у меня изо рта, прежде чем я успела их удержать. И тут же осознала, что совершила огромную ошибку.

– Да, был. – Он сказал это так медленно и таким довольным тоном, что я просто не могла не взглянуть на него, хотя это последнее, что мне хотелось сделать.

Он смотрел самодовольно и как будто с вызовом. Словно собирался добиться от меня еще какой-нибудь реакции. И в этот миг мне стало ясно, что вчера он специально так поступил.

Я уронила деревянную ложку в кастрюлю.

– Зачем ты ампутировал нос Фрости, Эзра? – Голос Отиса доносился до моих ушей словно сквозь преграду.

– Потому что захотел есть.

– Посреди ночи? Банан? В снегу?

Блейк поймал меня в ловушку своим взглядом. У меня не получалось отвернуться. В душе боролись друг с другом противоречивые воспоминания и эмоции. Я вспоминала о прошлом, чувствовала те покаяние и электрические разряды... но еще и злость. Злость на то, как он со мной обращался. Кипящая злость на то, что мне пришлось слушать вчера ночью, пусть я прекрасно знала, что не имела права на это чувство. Тем не менее я ничего не могла поделать с пылающим у меня в груди гневом – он пожирал меня изнутри. И заставил выговорить следующие слова:

– Я вообще тебя больше не узнаю.

Блейк едва заметно напрягся, затем нахмурился:

– Кто бы говорил.

Я перестала пытаться выловить ложку из кастрюли и развернулась к нему:

– Как это понимать?

– Это ведь ты полностью изменилась, – ответил он. Кажется, он чуть ли не дожидался шанса бросить мне это в лицо. – Раньше ты бы никогда так легко не отказалась от своей мечты. А сейчас? Приезжаешь сюда и распродаешь любимые вещи, потому что у тебя явно пустой кошелек. Видимо, ты предпочла спустить все деньги на операции, вместо того чтобы дальше работать над мечтой.

Тишина.

У меня в голове воцарилась оглушительная тишина.

Затем появился звон, который словно становился громче. Он нарастал все больше и больше, пока не заглушил все остальное. Я только чувствовала, как трясутся руки, как шумит кровь в ушах и как по щекам хлестнула волна жара.

– Что, прости? – Голос так сильно дрожал, что я почти не понимала сама себя. Сердце билось слишком быстро, а голову, казалось, обернули слоем ваты.

Блейк просто продолжал смотреть с тем же черствым выражением лица, которое с моего приезда, похоже, довел до совершенства.

– Я просто сказал правду.

Надо было отвернуться, потому что я была близка к тому, чтобы его ударить. Вместо этого я уставилась на овсянку и старалась обуздать эмоции. К сожалению, не сработало. Чем дольше мы стояли рядом, тем больше я злилась. Ярость растекалась по венам и жгла все сильнее, пока мне не начало казаться, что я состою лишь из одного этого чувства.

– Кем, черт побери, ты себя возомнил? – прошипела я и вновь взглянула на него. Блейк раскрыл рот, но я не дала ему заговорить. – Одно то, что я с тобой рассталась, не дает право вести себя со мной, как с куском дерьма, Блейк. – Я с удовлетворением заметила, что теперь вздрогнул уже он. Одновременно с тем у меня защипало глаза, и мне с огромным трудом удалось проигнорировать это ощущение. Я прочистила горло, прежде чем сумела продолжить: – Ты понятия не имеешь, что я пережила за последние месяцы. Можешь хоть до конца времен винить меня в том, что я закончила наши отношения, ради бога, но я больше ни дня не позволю тебе так со мной обращаться.

У него заходили желваки, он стиснул зубы.

– И поскольку тебя это, похоже, так сильно интересует и ты постоянно об этом говоришь: да, я выгляжу иначе. Но тебя это абсолютно не касается. Как и все остальное мое тело. Поэтому хватит, мать твою, превращать мне здесь жизнь в ад, высокомерный ты говнюк.

После того как я закончила, у меня сбилось дыхание, а все тело трясло, будто от недостатка сахара в крови. Руки и ноги дрожали, и я очень надеялась, что Блейк этого не замечал.

Его лицо будто окаменело – от гнева или чего-то другого, я не могла точно понять. Потом его взгляд переместился с меня на обеденный стол.

Только теперь я обратила внимание на жуткую тишину. Я оглянулась через плечо на остальных. Отис, Кэм и брат смотрели на нас, как на дьявольское знамение.

У меня по спине пробежали ледяные мурашки. Внезапно я больше не смогла бороться с жжением в глазах.

Как можно быстрее я развернулась и вышла из кухни. Побежала в гостевую комнату, распахнула дверь и захлопнула ее за собой, прежде чем Блейк или кто-то другой успели сказать что-нибудь, что окончательно меня добьет.

Глава 7

– Первое двухчасовое занятие предоставляется бесплатно, после этого мы заключаем договор и составляем вместе с тобой план, который поможет достичь цели, – объяснила тренер, и я кивнула. – Вот карта для шкафчика. Раздевалку найдешь внизу. – Она указала на лестницу с противоположной стороны от входа.

– Большое спасибо, – ответила я и взяла карточку.

– Надеюсь, пробная тренировка тебе понравится.

Я одарила ее фальшивой улыбкой, прежде чем направиться к лестнице и спуститься вниз. Там убрала вещи в шкафчик, заперла его и прошла по коридору к спортивным залам.

После того как спряталась у себя в комнате, сначала я пару минут металась из угла в угол, а еще через некоторое время переделалась в спортивный костюм. Затем прошмыгнула через веранду и отправилась в ближайший фитнес-центр.

Ни секунды дольше я не выдержала бы в доме брата. В тот момент я не могла находиться с Блейком под одной крышей. Мне хотелось хоть на мгновение просто забыть о прошлой ночи и нашей стычке на кухне. А бесплатное занятие, которое предлагала эта студия, прекрасно для этого подходило. Курс йоги я выбрала в надежде, что она отвлечет меня и хоть немного успокоит.

Я переступила порог зала, где на ковриках уже сидели другие люди. После того как тоже вытщила себе один из стопки у стены, я осмотрелась. Несколько седовласых женщин и мужчин оживленно болтали друг с другом, и, кажется, только один человек был моего возраста. Парень с аккуратно уложенными светлыми волосами улыбнулся, когда наши взгляды встретились. Недолго думая, я подошла к нему и развернула свой коврик на небольшом расстоянии от его. Потом начала разминаться. Потянулась руками вперед, коснулась пальцев ног и закрыла глаза. Застыв в таком положении на пару секунд, я снова выпрямилась и увидела, что он повторял за мной. Я чуть не улыбнулась. Чуть. Так как мысли все еще крутились вокруг Блейка и его презрительных комментариев.

Я до сих пор была расстроена. Да, я догадывалась, как сильно ранила его, разорвав наши отношения. Тем не менее это не давало ему права так со мной обращаться. Мне и так хватало самой себя и того, что случилось в Лос-Анджелесе, и сил терпеть еще и его неприкрытую ненависть не было. Стоило подумать о звуках, которые вчера ночью доносились из его комнаты, как к горлу тут же подкатывала тошнота.

– С тобой все в порядке? – неожиданно спросил парень рядом со мной.

Я повернулась к нему с вопросительным взглядом.

Он поднял палец и покрутил им вокруг моего лица.

– Ты какая-то бледная.

Я слотнула:

– Тяжелая неделя.

– Добро пожаловать в клуб.

– Йога должна помочь, – заявила я с большим оптимизмом, чем на самом деле чувствовала.

– В прошлый раз у меня икру свело. До сих пор не уверен, правильно ли сделал, что пришел сюда снова.

– Мне кажется, у многих на йоге сводит мышцы. Просто никто не признается.

– Думаешь?

Кивнув, я вытянула руки над головой.

– Когда я еще жила в Лос-Анджелесе, по выходным всегда занималась йогой в похожей группе. Там все делали вид, что едины с природой, но если присмотреться, то у большинства

можно было заметить вот такие перекошенные лица. – Я изобразила преувеличенно сосредоточенное выражение, которое заставило парня около меня расхохотаться.

Отсмеявшись, он внимательно присмотрелся ко мне:

– По тебе заметно, что ты калифорнийская девчонка.

Я удивилась:

– Серьезно?

Он кивнул:

– Загар, выгоревшие пряди волос и футболка – однозначные улики.

Я опустила глаза на свою одежду.

– Футболка с «Доджерс»⁶ – весьма очевидно, тут ты прав.

– Я тоже как-то думал перебраться в Калифорнию, – сказал он, и его взгляд затуманился.

– А как ты оказался в Вудсхилле?

Он пожал плечами:

– Хочу стать учителем, а у здешнего университета отличная репутация. Я рад, что меня сюда приняли, и мне тут нравится. Но и в Лос-Анджелесе тоже что-то есть. Я всегда представляю себе это как в кино: на каждом углу встречаешь актеров и музыкантов и наслаждаешься потрясающей погодой на пляже.

Примерно то же самое воображала себе и я. Потребовалось время, чтобы осознать, что в действительности все по-другому.

– Там было довольно здорово, – солгала я. А на его вопросительный взгляд добавила: – Здорово, но дорого.

– Тогда я даже шутки ради искал там квартиру. Они просят такие суммы – просто жуть. Тут преимущество на стороне Вудсхилла.

– Вперед, Вудсхилл! – воскликнула я и помахала невидимым флажком, что вызвало у него улыбку.

– Кстати, я Скотт. – Он сложил ладони перед собой и слегка поклонился.

– Рада познакомиться, Скотт. Я Джуд. – Я повторила его поклон.

– Классно быть не единственным человеком младше шестидесяти лет на этих тренировках, Джуд.

Я улыбнулась, хотя для этого пришлось приложить усилия.

– В Лос-Анджелесе правда звезды на каждом углу? – задал он следующий вопрос.

– Скорее, за каждым углом прячутся люди, которые на это надеются.

– Ты разрушаешь мои прекрасные фантазии.

– Я не хотела, прости. Бывает, что встречаешь кого-нибудь на вечеринке. Но, само собой, не осмеливаешься с ним заговорить, потому что боишься показаться идиотом. А если решишься, то просто лопочешь что-то и выглядишь совсем не круто.

Скотт покосился на меня:

– Звучит чересчур правдоподобно, чтобы быть чисто гипотетической ситуацией.

Тихо вздохнув, я вспомнила первую тусовку, на которую меня взял агент.

– Однажды я попала на мероприятие в Западном Голливуде. В одном из таких закрытых жилых районов, куда можно попасть только по списку и после проверки охранником. На вечеринке было нереально много людей, в том числе актер, которым я очень давно восхищалась.

У него расширились глаза:

– И?

Я пожала плечами:

– Я дико волновалась и заикалась, а он вел себя так дружелюбно, что я просто растаяла.

У Скотта был такой вид, будто он тоже сейчас растает.

⁶ «Доджерс» («Лос-Анджелес Доджерс») – американский профессиональный бейсбольный клуб Главной лиги бейсбола.

– А чуть позже я услышала, как он в коридоре обсуждал меня со своими друзьями. Говорил, что сыт по горло знакомствами со всякими недоактерами, которые в любом случае просто гоняются за деньгами и влиянием. А еще, что все равно не отказался бы подцепить меня, чтобы выяснить, насколько далеко я готова зайти.

Улыбка у Скотта на губах застыла.

– Что-что?

– Это не последний раз, когда я сталкивалась с такими вещами.

На моем счету имелось несколько подобных встреч. Когда я была новичком в Лос-Анджелесе, все постоянно твердили мне, что связи не менее важны, чем получение заметных ролей. Я пыталась следовать этому совету, однако быстро поняла, что большинство людей готовы подарить тебе толику своего драгоценного времени, лишь если чувствовали в этом личную выгоду. После закрытия «Дикой розы» на таких приемах со мной почти никто не желал общаться.

– Сочувствую, – сказал Скотт, и в этот момент в зал зашла инструктор по йоге. Она опустила на розовый коврик впереди и поставила перед собой две маленькие металлические чаши, прежде чем снова сесть прямо и широко улыбнуться всем нам.

– Не важно, – ответила я, хотя в груди пульсировала тупая боль. – Теперь я здесь.

– Верно. И одно из первых твоих действий – разрушить мои голливудские фантазии. – По подрагивающим уголкам рта я сообразила, что он просто пошутил.

– Извини.

Инструктор поздоровалась с нами и попросила встать.

– Да ладно, – подчеркнуто добродушно отозвался Скотт.

Мы выпрямились для упражнения «Приветствие солнцу» и прогнулись вперед.

Краем глаза я увидела, что Скотт повернулся ко мне.

– Можешь заглядить свою вину, – предложил он.

– И как же?

– При возможности расскажи мне больше.

Я не чувствовала особого желания сообщать еще больше о времени, проведенном в Лос-Анджелесе, но с другой стороны, это все-таки лучше, чем альтернатива: так я по крайней мере не буду думать о Блейке и о том, что он всей душой меня ненавидит.

– Конечно, – сказала я.

Несмотря на то что я пыталась оправдать это решение, у меня ничего не выходило. Я старалась дышать в едином ритме с группой. Вдох и выдох, снова и снова. За каждым вздохом следовало новое движение, от чего некоторое время спустя я вспотела, а пульс участился. Я изо всех сил фокусировалась на преподавательнице, которая говорила нам расслабиться.

На мгновение я закрыла глаза. И хотя я дышала глубоко и размеренно; хотя рядом сидел приятный парень, который хорошо ко мне отнесся и с которым мы хорошо поболтали; хотя йога шла на пользу моему организму, ничто из этого не помогало. Мысли продолжали вращаться вокруг Блейка и нашего общего прошлого. Мысленно я оставалась в Лос-Анджелесе, где терпела одно поражение за другим. А моя душа была все такой же беспокойной и разбитой, какой была уже на протяжении нескольких месяцев. И к моему сожалению, ни одно дыхательное упражнение в мире не способно это изменить.

С перекинутой через плечо спортивной сумкой я стояла перед домом, который казался мне невероятно чужим и заставлял чувствовать себя преступницей, ворвавшейся в чье-то жилище. Снег перед небольшими деревянными воротами к тому моменту так притоптался, что стал зеркально-гладким, и мне пришлось внимательно следить за тем, чтобы не поскользнуться, проходя там. Я аккуратно дошла до веранды и свернула в сторону двери, которая вела напрямиком в мою комнату.

После йоги у меня даже ненадолго возникла мысль снять номер в отеле... однако в текущем финансовом положении это вообще не вариант. А я не хотела сразу спускать на ветер деньги, вырученные благодаря продажам на *eBay*. Как ни противно мне то обстоятельство, что я завишу от этого дома, другого выбора, кроме как жить здесь, у меня не оставалось.

С тихим вздохом я открыла дверь и шагнула в тепло. Потом поставила сумку и стянула с ног ботинки, когда вдруг заметила сидящего на стуле Эзру и вздрогнула.

– Ты меня до смерти напугал, – выпалила я, прижав ладонь к бешено заколотившемуся сердцу. – Давно тут сидишь?

Брат ничего не отвечал, только внимательно смотрел на меня. Мне не удалось интерпретировать его взгляд, но особенно довольным он не выглядел.

– Ты когда-нибудь расскажешь мне, какого черта с тобой случилось? – неожиданно спросил он.

Я мгновенно оцепенела. Механически расстегнула молнию на куртке и сняла ее.

– Просто осознала, что жизнь актрисы не для меня, – произнесла я. Слова казались пресными на вкус, пусть я и пыталась вдохнуть в них жизнь. Очевидно, играть у меня получалось, только стоя перед камерой.

И судя по всему, Эзра тоже так считал. Он низко сдвинул брови и заявил:

– Брехня.

Я прикусила нижнюю губу, не зная, что на это ответить.

– То, что недавно сказал Блейк, – это правда? Ты правда потеряла все сбережения?

– А как по-твоему, почему я переехала сюда? – Я отреагировала острее, чем собиралась.

При мысли о Блейке лицо у меня до сих пор краснело от гнева. В голове не укладывалось, как он со мной обошелся. Кроме того, я злилась на то, что даже после занятия йогой, которое должно было помочь расслабиться, не сумела забыть о его словах. Они будто отпечатались у меня в памяти и во всем теле.

Эзра шумно выдохнул. Затем поднял руки и провел ими по лицу.

– Твою мать, Джуд, – пробормотал он. Брат снова опустил руки и серьезно взглянул на меня. – На те деньги ты вообще-то могла прожить еще как минимум год.

– Думаешь, я не знаю? – Я зашвырнула шарф в угол комнаты.

– У тебя неприятности?

Я быстро замотала головой:

– Нет.

– Мне позвонить маме с папой?

Прищурившись, я уставилась на Эзру:

– Серьезно, Эз? Я держу в секрете все, чем ты со мной делишься. А сейчас у меня впервые возникли сложности, а ты уже собрался наябедничать?

Он задумчиво посмотрел на меня, потом покачал головой:

– Просто мне кажется, что они захотят узнать, куда делись все деньги. О, и возможно, их заинтересует тот факт, что ты теперь живешь в другом штате.

Я наклонила голову набок:

– Тебе Блейк мозги промыл или что?

Он фыркнул и качнул головой:

– Не надо втягивать меня в ваши ссоры.

Я беззвучно засмеялась:

– Пока он не напал на меня на кухне, тебя не волновало, что стало с деньгами. Почему сейчас?

– Потому что я, черт побери, переживаю за тебя.

От его слов я вздрогнула, а затем почувствовала, что вернулось то ужасное жжение в глазах. Выругавшись, я отвернулась от него, потому что абсолютно не хотела, чтобы он видел меня плачущей. Точнее, после прошлой ночи я вообще больше не хотела давать волю слезам.

– Черт, Джуд, – еще раз негромко пробормотал Эзра. – Я же просто хочу знать, что происходит в твоей жизни. И могу ли я чем-то тебе помочь.

Я присела на край кровати и с трудом проглотила ком в горле.

– Во всем этом виновата я сама, – чуть погодя начала я. Голос звучал сипло и тихо, но ни на что иное я сейчас была не способна. – Что Блейк меня ненавидит – это моя вина. Что я больше не получаю роли – тоже моя вина. И только моя вина в том, что у меня больше нет родительских денег. – Я подняла глаза на Эзру, который продолжал буравить меня пронзительным взглядом.

Он сделал глубокий вдох:

– Ты же знаешь, что они тебя выручат, если ты им все расскажешь.

– Но я этого не хочу, – прошептала я.

– Почему нет? – наморщив лоб, спросил он.

Я втянула в себя воздух и собралась с духом:

– Помнишь момент, когда я получила первую крупную роль?

Брат медленно кивнул.

– Я до сих пор вижу, как блестели глаза у мамы и как широко улыбался папа. В последнее время я постоянно цепляюсь за тот день, чтобы не сдаваться. Воспоминание об их гордости придавало сил, когда я думала, что у меня их больше не осталось. – Голос задрожал, и я вытерла рукой глаза. – Если бы я полетела к ним, то... то уничтожила бы это. Они не должны видеть во мне неудачницу. Я хочу сама снова встать на ноги и дать им повод мной гордиться. Прямо как тогда. Но этого не будет, если я приползу к ним и признаюсь, что провалилась.

Эзра долго смотрел на меня. Потом внезапно встал и прошел по комнате, чтобы опуститься рядом на кровать. Матрас прогнулся под его весом. Он не стал обнимать меня или делать что-то еще в том же духе, просто сидел так близко, что мы слегка соприкасались руками. Но, вероятно, в его исполнении это было ближе всего к объятиям.

– Я понимаю. И все же считаю, что будет лучше, если ты с ними свяжешься. Папа уже несколько дней пытается до тебя дозвониться, у меня уже кончаются отговорки.

В животе появилась отвратительная тяжесть, и к глазам опять подступили слезы. Да, я хотела поговорить с родителями. Больше всего на свете. Но прекрасно понимала, что сломаюсь, стоит мне увидеть маму и папу. Я позволю им вернуть меня обратно в их безопасный мир, хотя совершенно того не заслуживаю.

– Одно то, что у тебя, возможно, не сложилось с профессией актрисы, еще не означает, что ты неудачница, Джуд.

Я скосила глаза на брата, ощущая, как у меня становится теплее на сердце.

– Кажется, таких приятных вещей ты мне еще никогда не говорил.

Он лишь нахмурился:

– Чушь.

– Нет-нет. Я очень даже уверена.

Эзра толкнул меня плечом, причем так сильно, что я чуть не упала с кровати. Но я успела заметить намек на улыбку в уголках его рта и почувствовала, как с плеч словно сняли тяжелый груз. Мне вдруг стало гораздо легче.

– Еще я хотела перед тобой извиниться.

– За что?

– Я вела себя как идиотка, когда набросилась на тебя из-за Блейка. И прошу за это прощения. Мне стоило намного раньше тебе сказать, как я благодарна тебе за помощь.

Он немного помолчал, затем медленно кивнул:

– О'кей.

Я покосилась на него:

– Вот это я называю развернутым ответом.

Вновь показалась зарождающаяся улыбка, однако она очень быстро снова исчезла.

– Не знаю, что делать с Блейком. Я думал, когда вы столкнетесь друг с другом, может, это будет немного странно, но чтобы он так взбесился... – Брат покачал головой. – Никогда его таким не видел. Он не имеет права настолько плохо с тобой обращаться. И мне наплевать, если ему еще хреново после падения.

Я расслышала злость в его словах, и конечности вновь налились свинцовой тяжестью.

– Давай это будет моя забота, Эз, – пробормотала я, на что он ответил скептическим взглядом. Но прежде чем брат успел что-то сказать, я поспешно заговорила дальше: – Я не хочу, чтобы вы ругались из-за меня. Пожалуйста, помирись с ним.

Эзра уставился на меня так, будто я отрастила вторую голову:

– Он ведет себя как полный идиот.

Я лишь качнула головой:

– Вы нужны друг другу. Всегда были нужны. Со своими делами я как-нибудь сама разберусь.

Эзра опустил взгляд на свои ладони и нахмурил лоб:

– Посмотрим, что можно сделать.

Кивнув, я вздохнула. После разговора появилось ощущение, что мне стало чуть легче дышать. Осталось только самой поверить в то, что я сейчас говорила Эзре.

Глава 8

Я лежала на животе в постели и одной рукой прокручивала ленту *Instagram*. По большей части мне показывали снимки других начинающих актеров. На фотографии Сэмюэля Райана я задержалась. В животе что-то слабо кольнуло.

Сэм был моим коллегой-актером из «Дикой розы». Я до сих пор помнила, как мы оба визжали от радости, когда получили главные роли в сериале. Мы подружились и проводили много времени вместе. В тот день, когда сериал закрыли, мы обнялись и боролись со слезами – без особых успехов.

На этом кадре Сэм стоял на красной дорожке. На нем был сшитый на заказ черный костюм, и он широко улыбался на камеру. Он выглядел счастливым.

У меня засосало под ложечкой, но я списала все на сэндвич с сыром, который уже наполовину доела.

Под фото все поздравляли Сэма с успехом и писали, как им понравилась его роль в фильме. Я сделала мысленную пометку посмотреть его, после чего нажала на поле комментария, чтобы тоже его поздравить.

«Поздравляю, Сэм. Я так тобой горжусь!!»

Отправив комментарий, я продолжила крутить ленту и поставила лайки еще на парочку фотографий, потому что мне просто-напросто казалось неправильным этого не сделать. Потом запостила снимок, который сделала уже несколько месяцев назад. Я сфотографировалась на пляже, солнце рисовало блики на щеках, а кожа выглядела так, словно светилась изнутри. В посте я написала «Скучаю по солнцу...» и нажала на «опубликовать».

Хотя сейчас я больше не искала роли, эта работа казалась частью моих будней. Частью, от которой я до сих пор не отказалась. Пусть в плане актерской профессии я провалилась, но это делать все еще могла. Эти кадры – маленькие отрывки из жизни, которые я располагала так, как мне хотелось. По сетке фото никто бы не догадался, как у меня обстояли дела на самом деле, и эта мысль почему-то доставляла удовольствие. Кроме того, на этот аккаунт еще были подписаны люди, которые обратили на меня внимание после первых серий «Дикой розы», и мне нравились их сообщения. Так у меня по меньшей мере иногда возникало ощущение, что я не полная неудачница.

Я доела остатки сэндвича, читая первые комментарии, которые появились под постом. Как обычно, большинство спрашивали, что случилось с «Дикой розой» и когда меня опять можно будет увидеть в новом проекте.

Отвечала я стандартными фразами: что канал не купил продолжение сериала, из-за чего все мы очень расстроены; что я очень благодарна за постоянную поддержку и что, надеюсь, скоро смогу рассказать больше о новых ролях. В конце концов я закрыла приложение, перевернулась на спину и уставилась в потолок.

Мне все еще было важно сохранять образ, который я создала себе за последние годы. Он стал чуть ли не единственным в жизни, что не причиняло боли.

Раньше ты бы никогда так легко не отказалась от своей мечты, – раздались у меня в голове слова Блейка, и в животе опять кольнуло.

Я не отказывалась от того, о чем рассказывала ему раньше. Он не имел права так по-уродски на меня набрасываться. Тем не менее искра правды в его словах никак меня не отпустила. Прежняя Джуд никогда бы так просто не сдалась. Я делала все, чтобы попасть в Голливуд: читала интервью, подписывалась в соцсетях на актеров; узнавала об агентствах все, что только можно узнать. Я подрабатывала и играла в школьном театре, брала уроки актерского мастерства и так часто цитировала диалоги из любимых сериалов, что Эзра неоднократно выгонял меня из своей комнаты.

А сейчас? Сейчас я лежала здесь.

Без работы.

Без будущего.

Без всего.

Единственное, что у меня еще осталось – это чертов профиль в *Instagram*, с которым я просто не могла расстаться.

Одна мысль закралась в подсознание, когда отзвучало эхо фразы Блейка. Я медленно потянулась за телефоном и взглянула на черный экран, покрытый отпечатками пальцев. Поколебавшись, разблокировала его, чтобы открыть поисковик и вбить имя.

На протяжении полутора лет мне удавалось запрещать себе все контакты с Блейком. В том числе максимально избегать любой информации о нем. Если раньше, в старшей школе, я была подписана на все аккаунты, которые размещали новости о команде Эзры и Блейка, то после завершения наших отношений стремилась любой ценой держаться от них подальше. Это причиняло слишком много боли. Полный разрыв – вот в чем я нуждалась после расставания. То, что теперь мы жили в одном доме, ничего в этом не меняло, хотя изображения его ортеза и костылей в памяти буквально прожигали меня насквозь.

Я бросила мобильник рядом с собой на постель и зачихнула в рот последний кусок сэндвича. Потом встала с кровати и взяла пустую тарелку, чтобы отнести ее на кухню.

Когда я открыла дверь, какой-то звук заставил меня притормозить. Вообще-то дома никого не должно быть – у Эзры, Кэма и Отиса днем по понедельникам силовые тренировки, а у Блейка занятия в университете. Однако, пройдя дальше по коридору в направлении гостиной, я снова услышала тихий звон из кухни.

Помедлив, я повернула за угол.

Блейк не ушел в университет. Он стоял у плиты. И от его вида я моментально позабыла про все сомнения и опасения последних минут. А если быть предельно откровенной, то забыла я вообще все, что когда-либо знала. Потому что Блейк был полуголым.

У меня пересохло в горле.

Он стоял спиной ко мне и мешал что-то в кастрюле. Костыли отставлены в угол, а одной рукой он опирался на столешницу.

Даже если бы захотела, я не смогла бы выговорить ни слова. Конечно, я уже видела полуобнаженных мужчин. В этом нет ничего особенного. Но видеть так мужчину, с которым у тебя был первый раз... в этом есть нечто невероятное.

Воспоминания нахлынули так неожиданно, что у меня закружилась голова. Блейк, который летом бросает мяч в корзину вместе с Эзрой на нашей подъездной дорожке и прячет улыбку, ведь прекрасно знает, что я стою у окна и наблюдаю за ним. Блейк, на котором нет ничего, кроме серых спортивных штанов и который идет ко мне с волчьей ухмылкой на лице. Блейк, который стонет мне в губы, в то время как его руки бродят по моему телу.

– Вот черт, – прошептала я.

Когда я выругалась, Блейк так испугался, что тарелка, куда он накладывал себе еду, пролетела по широкой дуге через кухню и разбилась об пол. Я застыла, стоило ему повернуться ко мне. А сразу после этого он со свистом втянул в себя воздух и посмотрел на пол. Его лицо стало пепельно-серым.

– Твою мать.

Пройдя на кухню, я поняла, почему он так побледнел.

Скорее всего, Блейк наступил на стекло. Вокруг левой ступни виднелся узкий кровавый след, который все больше расширялся, потому что он не стоял на месте, а сместился в сторону.

Еще с детства я запомнила: Блейк не выносит вида крови. Всего один крошечный порез – и ему уже становилось плохо и нужно было присесть. Однажды я пошла с ним на обследование

к врачу и держала его за руку, пока брали кровь, о чем по глупой случайности узнал Эзра. Потом он дразнил Блейка этим несколько месяцев.

Впрочем, теперь побледневшее лицо Блейка выглядело абсолютно не смешно. Вокруг него валялось бесчисленное множество мелких осколков, а он продолжал переносить вес с одной ноги на другую, чем делал только хуже. В следующую секунду он наклонился с перекошенным от боли лицом и начал подбирать стекла. В процессе он задел костыли, которые упали на пол и приземлились в хаос из мак-н-чиз⁷, осколков и крови. Блейк опять чертыхнулся, но собирать битое стекло не перестал. Если продолжит в том же духе, то порежется еще больше.

– Блейк.

Он напрягся, однако не прекратил.

Я подавила вздох и направилась к встроенному шкафу в коридоре, откуда достала щетку. Вернувшись на кухню, подошла к Блейку, стараясь ступать только туда, где нет осколков. Затем присела и начала сметать перемешавшиеся стекла и макароны.

– Оставь! – прорычал он.

Я подняла на него глаза и изогнула бровь:

– Ты на полном серьезе собираешься сейчас жаловаться на мою помощь?

Он стиснул зубы и опять потянулся за крупным осколком, который поднял и положил на столешницу, чтобы тут же снова наклониться. Было видно, что ему больно. На лбу выступила испарина, и он резко вдохнул, когда разогнулся.

– Иди в гостиную. – Он хотел что-то ответить, но я не дала. – С кровотокащей ногой ты только сильнее тут все пачкаешь. Иди в гостиную! – повторила я более властно, чем ощущала себя под его сердитым взглядом.

Мы играли в гляделки еще несколько секунд, которые показались мне вечностью, но в конце концов Блейк сдался и выпрямился.

Я подняла костыли и протянула ему. Не глядя на меня, он взял их и поковылял из кухни в сторону обеденного стола, оставляя кровавую дорожку на полу. И хотя я не так восприимчива к этому, как он, все же вынуждена признать, что комбинация из расплавленного сыра и крови действительно не самое приятное зрелище.

Поскорее закончив подметать, я подхватила тряпку из мойки. Намочила ее, налила даже больше чистящего средства, чем нужно, и начала отмывать пятна крови, которые повсюду оставил Блейк. Когда добралась до стола, поднялась. Не взглянув на Блейка, возвратилась на кухню и выкинула тряпку. Потом быстро сбегала наверх в ванную. Там я изучила содержимое шкафчика за зеркалом над раковиной. В дальнем углу нашлись бутылочка с дезинфицирующим спреем и марлевый бинт, а на одной из нижних полок – пластыри, которым, судя по виду, уже не один год, но в данный момент мне было все равно. Вооружившись всем этим, я снова спустилась вниз и сделала промежуточную остановку на кухне, чтобы захватить ножницы для бинтов.

Блейк между тем с отвращением на лице разглядывал свою ступню. К тому времени он побледнел настолько, что я опасалась, как бы он сейчас не потерял сознание. Тогда, на анализе крови, он на самом деле упал в обморок, потому что слишком быстро встал.

Отмахнувшись от этого воспоминания, я подошла к нему.

– Не смотри.

Он покосился на меня как на надоедливую муху. Затем его взгляд замер на пластырях у меня в руках.

– Что ты собираешься делать?

– Оказать тебе первую помощь.

⁷ Мак-н-чиз – блюдо американской кухни: макароны в сырном соусе.

Я опустилась перед ним на колени и, не дожидаясь ответа, брызнула на рану антисептиком. Потом взяла бинт и стала аккуратно промакивать, стараясь лишний раз не прикасаться к Блейку без надобности. Он и так весь сжался.

Осмотрев порез на подушечке стопы, я с облегчением обнаружила, что на вид он не очень глубокий. После этого я еще раз осторожно его продезинфицировала, отрезала большой кусок пластыря, сняла защитные полоски и заклеила рану.

Когда я закончила, Блейк поставил ногу обратно на пол. Лишь после этого я снова подняла на него глаза, причем мой взгляд задержался на его животе. Если один только вид его голой спины меня буквально заворожил, то теперь пришлось сделать над собой еще большее усилие, чтобы не слишком долго пялиться на четкие контуры мышц его пресса... хотя я бы с превеликим удовольствием потратила на это несколько минут.

– Так нормально? – спросила я охрипшим голосом и кашлянула, прежде чем вновь посмотреть ему в лицо.

Напрасно я готовилась к холоду, которым он атаковал с момента моего переезда в Вудсхилл. Он исчез из его глаз, лица и всего тела. Осталась лишь неуверенность. Словно он не знал, как относиться ко мне или к этой ситуации. Блейк медленно обвел меня взглядом с головы до ног и отстраненно кивнул.

Только тогда я сообразила, что оказалась между его ног – стояла на коленях прямо перед ним, а он сидел на стуле полуобнаженным.

К щекам прилил убийственный жар. Я так поспешно отпрянула, что потеряла равновесие и плюхнулась на пятую точку. С такой силой, что проехала полметра по полу.

Когда я подняла голову, он скрестил руки на груди. Один уголок рта слегка подрагивал, как будто он запрещал себе смеяться над моей неуклюжестью. В этот миг он стал так похож на прежнего Блейка – *моего* Блейка, – что у меня на какое-то время пропал дар речи. Я могла лишь смотреть на него во все глаза, пока ком в горле все рос и рос.

– И зачем ты швыряешься тарелками? – наконец выдавила из себя я. У меня просто-напросто не получалось сдвинуться с места, потому что впервые с тех пор, как я сюда приехала, глаза Блейка заблестели как раньше.

– На секунду я подумал, что ты призрак.

Его слова вырвали меня из туманного состояния кратковременного блаженства, и я вопросительно склонила голову набок.

– Потому что ты шептала, – добавил он. – Это было жутко.

Теперь уже у меня задрожали уголки губ. В то же время я ощутила потребность впитать в себя его взгляд, на случай если эта легкость между нами вот-вот опять испарится.

– Значит, ты до сих пор боишься крови и призраков, – сказала я, после чего он помрачнел.

– Кровь – это отвратительно, страх здесь ни при чем.

– А что насчет призраков?

– К призракам я испытываю уважение. Уважение, которое должен проявлять каждый, кто не хочет, чтобы они его преследовали.

У меня вырвался смех. Я просто не смогла сдержаться. Этот звук прозвучал непривычно в моих собственных ушах, поскольку я даже не могла вспомнить, когда в последний раз настолько выпускала себя из-под контроля. Только заметив взгляд Блейка, я замерла.

Было что-то тяжелое в том, как он на меня смотрел. Так много всего, что он скрывал под неприязнью, и часть этого сейчас показалась из-за нее. Сердце у меня забилось быстрее. Я ощутила, как оно грохочет в груди. Между нами стояло бесконечное множество невысказанных слов. Наше разрушенное прошлое окружало нас, подобно темной туче, и грозило раздавить.

Блейк набрал воздуха в грудь и шумно выдохнул. Потом помотал головой.

– Что за дерьмо, Джуд, – еле слышно пробормотал он.

От его шепота у меня по рукам побежали мурашки. Я крепко обхватила колени. Мне нужно было уцепиться за что-нибудь, потому что пол подо мной закачался. Мир закружился, но Блейк остался. Он остался и удерживал меня в плену своего взгляда. Мне захотелось, чтобы этот миг никогда не заканчивался. Так как впервые после появления здесь мне не казалось, что я самое ужасное, что когда-либо с ним случилось. На мгновение я словно переместилась в прошлое. В то время, когда мы могли говорить о чем угодно и смеяться над чем угодно. Время, когда он мне доверял.

Он тоже подумал об этом, я отчетливо это видела. Сейчас, когда его презрение отодвинулось на задний план, у меня получалось читать черты его лица как открытую книгу. И я решила воспользоваться этим шансом.

Взглянув на его ортез, я откашлялась.

– Болит? – осторожно спросила я.

Пару секунд он молчал. Потом потер рукой бедро.

– Да, конечно. Но первые дни после операции было хуже.

На слове «операция» я вздрогнула. Я предполагала, что травма серьезная, раз он так долго передвигался на костылях и день и ночь носил ортез, но тем не менее. После операции трудно предсказать, как пройдет восстановительный процесс.

– Что произошло? – пробормотала я, не отрывая взгляда от его ортеза.

– Один парень врезался в меня, я закрутился в прыжке и неправильно приземлился.

Разорвана крестообразная связка.

– Нет... – выдавила я и подняла на него глаза.

Он лишь пожал плечами.

Я давно знала, что подобная травма – это едва ли не худшее, что может произойти со спортсменом. А еще я знала, что Блейк не выносил вида крови и как сильно он, должно быть, боялся такой операции. Не говоря уже о том, что одному небу известно, сможет ли он после реабилитации нормально играть... или его профессиональная карьера на этом окончена.

– Мне так жаль.

Блеск в его глазах исчез так неожиданно, как будто кто-то погасил в них свет. Он медленно покачал головой.

– Значит, тебе жаль, м-м? – тихо спросил он.

Я оцепенела, как только до меня дошел смысл его слов. Ком в горле рос с каждой секундой, пока он на меня смотрел.

– Конечно мне жаль, – негромко произнесла я.

Прошла всего пара секунд, прежде чем ярость и холод вновь исказили черты его лица. От ощущения, что наш момент закончился так внезапно, я почувствовала укол боли. Его взгляд закрылся, и я поняла, что теперь надо как можно скорее дистанцироваться и уйти из комнаты, если не хочу, чтобы все опять плохо закончилось.

– Понятия не имею, правильно ли я все сделала, – пробормотала я, указывая на его ступню. – Порез выглядел не очень глубоким, но если будут проблемы, лучше обратиться к врачу. Если что, я у себя. – Я поднялась с пола и одернула футболку. Потом развернулась и направилась прочь из столовой.

– Подожди.

Закрыв глаза, я остановилась. Затем собралась и оглянулась на него через плечо.

Блейк не сводил глаз с пола – с того места, где я только что сидела.

– Я тоже должен перед тобой извиниться.

На краткий миг я решила, что ослышалась. Его ледяной взгляд никак не сочетался со словами, которые он только что произнес.

– За то, что я тебе сказал, я имею в виду. С моей стороны это было грубо и по-свински. Иногда мне просто хочется... – Он замолчал и сжал зубы. В его глазах бушевала темная буря. Руки на бедрах сжались в кулаки.

Я видела, насколько он расстроен и зол, и хотя Блейк не договорил предложение, я его поняла. Поняла, откуда исходит его гнев, и знала, что во многом это моя вина. Однако что бы я теперь ни сказала или ни сделала, это не изменит наше прошлое. Так что я лишь прошептала:

– Знаю.

Затем развернулась и ушла, а каждый шаг причинял такую боль, как будто я шла по битому стеклу.

Глава 9

– И безалкогольный мохито для моей младшей сестры! – прокричал Эзра так громко, что его услышали все в радиусе трех метров. А убийственный взгляд, с которым он это произнес, стал, так сказать, вишенкой на торте. Теперь в этом клубе со мной гарантированно никто не захочет общаться и тем более на меня не взглянет. С довольным выражением лица он поставил напиток на столик передо мной.

– Спасибо, – сказала я и сделала плоток коктейля. – М-м-м, – потом с наслаждением протянула я и так фальшиво, как только могла, улыбнулась брату.

Кэм возле меня тихо рассмеялся. Он пытался это скрыть, но я слышала все четко и ясно.

Я подалась влево и наклонила голову так, чтобы она оказалась совсем рядом с его:

– Перестань, и я заплачу тебе, если ты купишь мне нормальную выпивку.

– И вызвать на себя безудержный гнев Эзры? Без шансов.

Я перевела глаза на Отиса, который сидел напротив меня и был очень занят тем, что внимательно рассматривал потолок клуба. Я приподняла одну бровь.

– Можешь даже не пытаться, Блинчик, – заявил Эз и оперся локтями на стол. Пусть он не ухмылялся, но выражение его лица и так выглядело достаточно самодовольным.

– Блинчик? – переспросил Кэм и захохотал еще громче, пока я буквально сползла вниз по сиденью и надеялась, что подо мной развернется земля.

– Одно из ее первых слов в детстве, – пояснил Эзра.

Я спросила себя, не старался ли он специально меня опозорить, чтобы сегодня вечером со мной вообще никто не заговорил. В конце концов мне пришлось пустить в ход всю свою силу убеждения, чтобы уговорить его взять меня с собой в «Хиллхаус». Естественно, я могла бы пойти и против его воли, но так я отвоевала место за этим столом и гордилась собой еще сильнее, потому что пошла тусоваться с парнями. Между тем моя вторая неделя в Вудсхилле так же не увенчалась успехом, как и первая. Я уже выставила на продажу планшет и ждала, когда поступит предложение от покупателя. На самом деле он мне нужен, потому что мой ноутбук уже обрел нового хозяина, но я непременно хотела вносить свою долю в общий бюджет. И судя по всему, небольшая подушка безопасности не повредит, если в поисках работы дела и дальше будут обстоять так печально.

– Рассказать остальным про *твое* прозвище? – поинтересовалась я с горько-приторной улыбочкой.

Эзра невозмутимо откинулся назад и сложил руки перед грудью.

– Игру «Кто больше опозорился» определенно выиграешь ты.

К сожалению, я понимала, что он прав. Эзра всегда был молчаливым и сдержанным, в то время как я с детства шла по жизни громко и ярко. Он никогда не отрезал себе челку кухонным ножом, не организовывал протест в защиту единорогов, и его не стошнило прямо на сцену посреди танцевального представления на глазах у двух сотен людей. Так что я признала поражение и снова вжалась в диван.

Брат выглядел крайне довольным собой и заговорил с Отисом, пока я осматривалась в клубе.

Если верить тому, что рассказывал мне Кэм, это одно из немногих заведений в городе, где зависали студенты. Весьма симпатичное место с современно оборудованным баром, нишами, где можно посидеть, и заполненной людьми танцевальной зоной. Музыка создавала бесшабашное настроение, и тут не оказалось такой толпы, от которой становится не по себе. Весь свет в клубе был приглушенным и комфортным, только на танцплощадке и за баром сияли яркие огни, погружающие все вокруг в оттенки синего и сиреневого.

– Нет! – вдруг воскликнул Отис и вскочил. – Быть не может!

Кэм рядом со мной одобрительно присвистнул:

– Как ей всегда это удается?

Я проследила за их взглядами, и прошла пара секунд, прежде, чем я увидела, что они имели в виду.

В клуб только что вошли Эверли и Блейк. Она держала его под локоть, от чего я на мгновение опешила. Потом заметила, что Блейк без костылей. Он все еще носил ортез, и медленная походка казалась довольно скованной, но ладони были свободны. Заметив парней, Блейк торжествующе вскинул руки вверх.

От его улыбки у меня в животе что-то сжалось. Кроме того, мне бросилось в глаза, что он в первый раз надел что-то, кроме своих обычных спортивных штанов. В джинсах и темной рубашке Блейк действительно производил впечатление, к тому же он сбрил бороду и уложил волосы. У меня пересохло во рту, а язык словно потяжелел, и я сделала глоток коктейля.

Атмосфера в доме с понедельника не особенно изменилась, впрочем, я этого и не ожидала. Хотя несколько раз мы ужинали все вместе, Блейк при этом ни разу не обращал внимания на мое присутствие. А если бы и обратил, я бы не смогла с ним поговорить. Пусть мы и извинились друг перед другом, нас до сих пор слишком многое разделяло, и я понятия не имела, как нам преодолеть эту гору балласта. Не говоря уже о том, возможно ли это в принципе.

Мысленно я снова и снова, как в замкнутом круге, повторяла то, что он мне сказал, чаще всего – «Что за дерьмо, Джуд», поскольку это самое подходящее описание происходящего между нами. Гигантская куча непонятного...

– Смотрите, как он классно справляется! – закричала Эверли, когда они приблизились к нам, и выдвинула Блейку свободный стул в конце стола.

Блейк стрельнул в меня взглядом, но тут же поспешно его отвел.

– Я каждый раз чувствую себя стариком, когда ты так делаешь, Пенн, – вместо этого ответил он и тем не менее, негромко охнув, опустил на стул.

– Ладно, дедуля. – Эверли села на мягкое сиденье возле меня, и я подвинулась ближе к Кэму, чтобы ей хватило места. Плечи у меня напряглись.

– А мы как раз гадали, как ты его сюда приволокла, – подал голос Кэм, перегнувшись через меня.

Эверли беззаботно улыбнулась:

– У меня особая техника.

Блейк издал стон.

Я насторожилась и переводила глаза с одного на другую, хотя собственное тело казалось мне каким-то скованным.

– Она называет это «МоДляБле».

– Что значит «МоДляБле»? – полюбопытствовал Отис.

– Не спрашивай, – пробормотал Блейк.

– «Мотивация для Блейка», – невозмутимо расшифровала Эверли и жутко серьезно взглянула на Кэма.

Ребята захохотали, и мне тоже пришлось прятать улыбку.

– А что включает в себя «МоДляБле»? – спросила я.

– Эверли. – В голосе Блейка послышались предостерегающие нотки.

– Мы включаем *Нарру* Фаррелла Уильямса и танцуем под нее.

– Сейчас я при всем желании не могу вспомнить, почему вообще посчитал хорошей идеей, чтобы ты работала с чирлидерами, – прокомментировал Блейк. – Вся эта энергия – это не твое.

– Ты фактически уговаривал меня подать заявку. Называл меня своей кроличьей лапкой.

– Потому что думал, что ты будешь моим живым талисманом. И смотри, что ты сотворила. – Он демонстративно указал на свое колено в огромном ортезе.

С каким-то неприятным ощущением в груди я осознала, что в присутствии Эверли он даже готов отпускать шуточки по поводу травмы. И я не понимала, как к этому относиться.

Эверли стукнула его по руке, но при этом широко улыбалась. Потом встала:

– Пойду возьму себе что-нибудь выпить.

– Я буду пиво, – заявил Блейк.

Она облокотилась сзади на спинку его стула и склонилась над ним:

– Ты идешь со мной.

– Сначала ты притаскиваешь меня сюда, а потом требуешь, чтобы я стоял у бара?

– Врач сказал, что тебе надо двигаться и что ногу нужно снова по возможности нормально нагружать. Кроме того, у тебя же сейчас обе руки свободны, а значит, ты сам в состоянии донести собственный стакан. Разве это не классно? А теперь пошли.

У Блейка был такой вид, словно он метался между желанием засмеяться и придушить Эверли. В итоге он обеими руками оперся на стол, медленно поднялся и последовал за ней в сторону бара. К счастью, люди, похоже, заметили, что ему тяжело ходить: при виде его ортеза и неуклюжей походки его быстро пропускали.

Пока я смотрела на этих двоих, в груди что-то болезненно жалось. Тем не менее я не могла отвести взгляд, когда они присоединились к очереди перед барной стойкой, причем Блейк встал позади Эверли, огородив ее от толпящегося вокруг народа. Какая-то девушка похлопала его по плечу, и он оглянулся на нее. Ему пришлось нагнуться к ней почти вплотную, чтобы услышать, что она говорила.

– Она мне нравится.

Фраза Эзры оторвала меня от наблюдений, и я повернулась к нему.

– А мне до сих пор кажется странным, что она встречается с тем типом с хвостиком на голове, – заметил Кэм.

– Ты так говоришь, потому что сам ею заинтересовался?

Кэм хмыкнул:

– Я так говорю, потому что как-то она целовалась с Блейком в саду, а потом ни с того ни с сего начала встречаться с хвостатым.

– Срочно прекращай называть его хвостатым.

Следующий ответ Кэма потонул в шуме у меня в ушах. О том, что у Эверли есть парень, мне известно. Но что она и Блейк в прошлом, судя по всему, как минимум один раз целовались, стало для меня новой информацией. Это при том, что близость Эверли к Блейку и так всякий раз уязвляла меня, когда я видела их вместе. Потому что я до сих пор прекрасно помнила время, когда сама была той, кто его мотивировал и с кем у него было столько шуточек, понятных только нам, что мы раздражали всех вокруг.

Я вновь оглянулась на бар, где Эверли как раз забирала заказ. Когда она повернулась к Блейку, тот оказался увлечен разговором с другой девчонкой, поэтому Эверли, недолго думая, сунула бокал с пивом ему в руку, после чего подвинула к нему барный стул, на что он улыбнулся одним уголком рта. Потом сел и опять заговорил с девушкой, которая просияла, потому что он остался с ней.

Я слотнула. Блейку я больше не нужна. Теперь у него есть Эверли. Есть Эзра, Кэм и Отис, которые его поддерживают. А еще у него есть девушки вроде той, у бара, которые явно горят желанием завоевать толику его внимания. Когда он дотронулся до ее руки, я постаралась проигнорировать ноющую боль в животе. Получилось лишь отчасти. Теперь я уже могла представить, как они целуются и в недалеком будущем занимаются совсем другими вещами, о которых мне совершенно не хотелось задумываться. Безалкогольный мохито грозил вот-вот вернуться обратно из желудка.

– Уверен, что не считаешь ее горячей штучкой? – уточнил Отис.

– Она горячая штучка. Вот только вкус на парней у нее оставляет желать лучшего. В смысле, можешь представить себе хвостато... – Эзра так сильно пнул Кэма под столом, что тот громко выругался.

Именно в этот момент Эверли вернулась за наш столик и снова села на свое место.

– А где ты забыла Блейка? – спросил Отис, вытягивая шею.

Она лишь кивнула в направлении бара, и все тут же проследили взглядами за ее движением.

Между тем девчонка придвинулась еще ближе к Блейку. Она стояла между его ног и собственническим жестом положила одну ладонь ему на бедро. Когда в следующий раз она что-то ему сказала, то так приблизилась ртом к его уху, что казалось, будто она прикоснулась к нему губами. В животе у меня все неприятно перевернулось, потому что ухмылка Блейка стала еще шире.

– По крайней мере, он больше не прячется в своей комнате, – дипломатично прокомментировала Эверли.

Я не знала, как относиться к тому факту, что в своей комнате Блейк, видимо, принимает с распростертыми объятиями всех девушек Вудсхилла. Помимо прочего, мне казалось странным сидеть за одним столом с его лучшими друзьями. Я уже успела их полюбить и была рада, что Блейка окружают такие прекрасные люди, которые поддерживали его в такой тяжелый период. Но вместе с тем меня буквально добивали воспоминания о нашем прошлом. Ведь только что я своими глазами увидела, как бы сейчас выглядела моя жизнь, если бы я не разрушила наши отношения. Я бы стала той, кто его поддерживает. Я бы стала той, кто подбадривает его во время реабилитации и не дает прятаться в комнате. А теперь я лишь досадная помеха в и так ненавистное для него время.

У меня запершило в горле, и я быстро выпила маленькую лужицу воды, которая образовалась из растаявших кубиков льда на дне стакана.

– Ты не ответила на мое сообщение, – неожиданно сказала Эверли.

Я посмотрела ей в лицо и сглотнула. На днях она написала мне и спросила, привыкла ли я к новому месту и не хочу ли устроить вместе вечер кино, однако каждый раз, когда я начинала печатать ответ, в памяти раздавались слова Блейка.

Я не допущу, чтобы теперь ты отняла у меня еще и лучшую подругу.

– Прости, – неубедительно извинилась я, снова опуская глаза на свой бокал. – Была очень занята.

Повисла пауза. Парни обсуждали тренировки, а я пыталась создать впечатление, будто тоже слушаю, хотя изо всех сил сражалась с бурей в сердце и в голове.

Я не хотела оборачиваться к бару и видеть, что кто-то, кроме меня, прикасается к Блейку.

Я не хотела грубо вести себя с единственным человеком в Вудсхилле, который, вероятно, намеревался со мной подружиться, но, к сожалению, у меня не оставалось другого выбора.

Я не хотела...

– Он мне рассказал.

Я удивленно взглянула на Эверли.

– Что вы встречались, я имею в виду, – негромко продолжила она. – После того как ты упомянула, что твой бывший живет вместе с твоим братом и мы случайно столкнулись на вечеринке, я почему-то первым делом подумала, что твоим парнем был Кэм.

Теперь я могла лишь оторопело смотреть на нее. Если Блейк поделился с ней всем этим, то отныне она будет презирать меня не меньше, чем он сам. В голове промелькнула мысль, нельзя ли как-то незаметно перепрыгнуть через нее и как можно скорее покинуть этот клуб.

– Я пойму, если ты отменишь приглашение на вечер кино, – произнесла я чуть погодя. Между ее бровей образовалась маленькая складочка, но я быстро заговорила дальше: – Честно. Все нормально.

У нее расширились глаза. Сейчас настала ее очередь ошарашенно смотреть на меня.

– Почему ты так говоришь?

Я беспомощно пожала плечами:

– Я знаю, что вы очень близкие друзья, и не хочу сделать что-нибудь, способное навредить вашей дружбе.

Она вскинула брови.

– У меня еще остались кое-какие дела. Можешь, пожалуйста, меня выпустить? – спросила я, с недовольством отметив, как нервно прозвучала эта ложь.

– Джуд, – мягко произнесла она, но я быстро помотала головой.

– Правда, ничего не получится. Я не хочу, чтобы он возненавидел меня сильнее, чем ненавидит сейчас.

– Я сама в состоянии решать, с кем мне дружить, – решительно возразила Эверли. – А если у Блейка с этим проблемы, то он не тот человек, за которого я его принимала.

У меня пересохло в горле, и я бросила взгляд на бар у нее за плечом, вцепившись пальцами в край стола. Ногти царапнули по дереву, когда я увидела Блейка... или, точнее, его волосы. Поскольку лицо было скрыто головой девушки, которая страстно его целовала. Одной рукой он держался за край барной стойки, пока вторая лежала у нее на спине и сильно прижимала ее к нему.

С огромным усилием я отвела глаза от них обоих, но смотреть смогла только на пол. Увы, это никак не отменяло того факта, что Блейк стоял на расстоянии всего нескольких метров, засунув язык в глотку какой-то девчонки.

На меня нахлынул приступ тошноты. Если он приведет ее домой и мне опять придется слушать, чем он займется с ней в спальне, то меня вырвет – даже без выпитого алкоголя. Без сомнений.

Эверли осторожно накрыла мою ладонь своей.

Лишь с большим трудом мне удалось снова взглянуть на нее, причем стоило невероятных усилий не показывать, что сейчас творится на душе. Вся энергия уходила на то, чтобы сохранять лицо и притворяться, что мне на все наплевать. Я представляла себе, что играю роль. Роль неприступной холодной героини, которую ничего не волнует и которая интересуется только завтрашним днем, вместо того чтобы оплакивать свое прошлое.

К сожалению, это не сработало.

Я никак не могла успокоиться.

После того как три часа назад вернулась домой, я пыталась уснуть, но ничего не вышло, поскольку сна не было ни в одном глазу. Потом я вышла на террасу, чтобы глотнуть свежего воздуха и посмотреть на звезды. Увы, небо затянули облака, а мороз стоял такой, что выдержала я всего пару минут, прежде чем, окончательно продрогнув, ушла обратно в дом.

Теперь я сидела перед телевизором парней, надев гарнитуру Эзры, и играла в *Fortnite*⁸. Я понятия не имела, что делала, но забить на все оказалось на удивление приятно. Это стало отвлечением, в котором после такого вечера я срочно нуждалась.

В какой-то момент Эверли ушла из клуба, а вскоре после этого Эз, Отис и я пошли домой, в то время как Кэм и Блейк остались в «Хиллхаусе». Мне следовало бы радоваться этому. Так, во всяком случае, мне не придется терпеть расшатанную кровать Блейка и ее скрип. Тем не менее я не находила себе места.

Этот вечер истощил меня и одновременно оставил внутри глубоко засевшее беспокойство. Сейчас уже перевалило за три часа ночи, и я так далеко шагнула за границы усталости, что все равно больше не было смысла ложиться спать. Вместо этого я продолжала жать на

⁸ *Fortnite* – компьютерная онлайн-игра американской компании Epic Games с различными игровыми режимами.

кнопки контроллера, как будто он мой заклятый враг, выплескивая свои эмоции на все, что вставало у меня на пути в виртуальном мире.

Я не понимала, что со мной происходило. Отношения между мной и Блейком... это в прошлом. Уже давно. Меня не должно заботить, что он рассказывал обо мне друзьям, не говоря уже о том, что теперь думает обо мне Эверли, когда узнала, что мы встречались. И тем более меня не должно волновать, что Блейк спит с другими женщинами.

Однако правда выглядела иначе. Я ревновала и грустила. И меня расстраивало понимание того, что я ворвалась не только в жизнь Эзры, но и в жизнь Блейка, не заслуживая в них места. И вместе с тем меня терзало осознание, что больше я никуда пойти не могла.

Я боролась с жжением в глазах, но печаль накрывала все сильнее. От слез перед глазами все расплывалось. Через некоторое время я уже не разбирала, что происходило на экране. Слышала только громкие выстрелы, в ушах оглушительно трещало – и вдруг все закончилось. Разозлившись, я сорвала с головы наушники и вытерла рукой глаза. Затем взглянула на экран и увидела, что меня убил кто-то с ником *Bahama-Mama69*.

– Это и правда был отстой.

Я взвизгнула от испуга и подпрыгнула.

В дверном проеме гостиной стоял Блейк. Со взъерошенными волосами и неправильно застегнутыми пуговицами на рубашке.

Сердце ушло в пятки, но, несмотря на то что мне хотелось отвернуться, сделать это не удавалось. Я тяжело сглотнула. В горле как будто застряла горсть канцелярских кнопок, которые медленно и мучительно пробивали себе путь дальше по моему телу.

– Ты меня до смерти напугал, – прохрипела я.

Вместо ответа он ушел на кухню.

Мне бросилось в глаза, насколько более медленной и тяжелой стала его походка. Я задумалась, не переборщил ли он сегодня с нагрузкой, однако тут же одернула себя. Никто не заставлял его идти в клуб и цеплять там женщин. Это целиком его вина, и она определенно не стоила моего беспокойства. Тем не менее мне не удавалось избавиться от ощущения, что у его поведения была какая-то цель. Он словно ждал от меня реакции, словно получал удовольствие при виде моих страданий. И прежде чем я успела прикусить язык, из меня вырвалась следующая фраза:

– Зачем ты это делаешь?

Блейк держал в руке стакан воды и пил из него большими глотками. Затем опять повернулся ко мне.

– Что? – Он удивленно сдвинул брови, но я не купилась на его недоумение.

– Хочешь отплатить мне таким способом? – задала новый вопрос я.

Он наклонил голову набок и внимательно посмотрел на меня. Медленно поднял стакан к губам и сделал еще один глоток.

– Без понятия, о чем ты говоришь.

Я лишь покачала головой. Глаза продолжало припекать. Уверена, было видно, как мне больно. Вот только его это не интересовало. Ему наплевать, что я чувствую. Я знала, что сама в этом виновата, но не могла ничего поделать со злостью, которая все равно растекалась внутри. В его присутствии все во мне сходило с ума, хотя я считала, что уже перевернула эту страницу.

В какой-то момент у меня кончилось самообладание.

– Если своими поступками ты хочешь продемонстрировать, что уже забыл меня, то поздравляю. До меня дошло.

Блейк опустил взгляд на свой стакан, поднял палец и провел им по ободку. Потом издал тихий отрывистый смешок и качнул головой.

– До тебя вообще ничего не дошло.

Я раскрыла рот и снова захлопнула, когда он вновь посмотрел на меня. В его взгляде таилась немая ярость, уходящая корнями очень глубоко.

– Два года. – Его голос звучал хрипло и едва слышно. Волоски у меня на руках встали дыбом. – Два чертовых года, Джуд. Я провел с тобой лучшее время в своей жизни. Я тебя любил. И после всего, что у нас было, тебе понадобилась всего пара недель в Лос-Анджелесе, чтобы полностью вычеркнуть меня из своей жизни.

Слезы вернулись. Я была не в состоянии их сдерживать. Вместе с тем я пыталась подобрать правильные слова.

Я так много всего хотела ему на это ответить, но не могла. Что бы я сейчас ни мямлила... он заслуживал большего. Разумного объяснения. Хотя бы малейшего понимания того, что творилось у меня внутри. Но я не могла. Мы отдалились от той временной точки, когда умели откровенно разговаривать друг с другом, пусть в эту секунду я ничего не желала сильнее.

– Ты разбила мне чертово сердце, – продолжил он, пока мое собственное дернулось и подпрыгнуло.

– Блейк... – прошептала я, однако он только покачал головой.

– Я знаю, что вел себя как мудака. Но ты не имеешь права каждый раз, когда я провожу с кем-то ночь, вызывать у меня угрызения совести. Ты не можешь ожидать, что я буду уважать твои чувства, после того как взяла и растоптала мои.

Тем временем слезы безостановочно бежали у меня по щекам и подбородку. Руки и ноги будто онемели, я не могла сдвинуться с места.

Ни когда Блейк допил воду и поставил стакан на столешницу.

Ни когда он, хромя, прошел мимо меня и вышел из гостиной.

Ни когда его шаги постепенно отдалились и превратились лишь в глухой стук на лестнице.

– Прости, – прошептала я в пустой комнате.

Глава 10

Три с половиной года назад

За окном стемнело. Блейк до сих пор был в саду. Сегодня днем лил сильный дождь – наверняка его одежда промокла до нитки. Впрочем, его это, похоже, не беспокоило. Он лежал на траве, положив руки под голову, и смотрел в небо.

Я прекрасно помнила, какой сегодня день. Даже не знаю дату, поняла бы. Таким молчаливым и хмурым Блейк обычно становился только в один-единственный день в году. И как и каждый год, меня убивало, что я ничем не могу ему помочь.

Осторожно подойдя к двери, я выглянула в коридор. Дверь в комнату Эзры закрыта, свет в коридоре выключен, и из гостиной тоже больше не доносилось никаких звуков. К тому моменту все Ливингстоны, кроме меня, уже лежали в постелях и спали. Я быстро вернулась, чтобы захватить пушистый розовый шерстяной плед, который мама подарила мне на прошлый день рождения, потом прокралась вниз по лестнице и к двери, ведущей на террасу. Открыв ее как можно тише, я босиком вышла на улицу. Трава под пальцами была холодной и мокрой, я наступила на что-то скользкое и от всей души понадеялась, что это не слизняк или что-то в этом роде.

Фигура Блейка темнела на фоне лужайки. На нем были только баскетбольные шорты и футболка. Наверняка он замерз.

Когда он услышал приближающиеся шаги, то поднял голову и посмотрел на меня. У него на лице не отразилось никаких эмоций, а чтобы прочесть что-то по глазам, было слишком темно. Но я не сомневалась, что увидела бы в них лишь горе. Подчиняясь инстинктам, я накрыла его пледом, в то время как Блейк продолжал молча наблюдать за мной.

– Хочешь побыть один? – тихо спросила я.

Он ненадолго задумался. Потом качнул головой.

Этого мне было достаточно. Я села на траву около него. Пижамы мгновенно промокла, но я постаралась этого не замечать. И подняла глаза к небу. Безоблачная, ясная ночь. Звезды ярко сияли на небосводе.

– Извини, что у меня сегодня такое плохое настроение, – хрипло произнес Блейк.

– В такой день ты имеешь полное право на плохое настроение.

– Наверное. – Он немного помолчал. Потом кашлянул. – Мне кажется, люди терпеть не могут ворчунов. Я им больше нравлюсь веселым.

– Мне ты всегда нравишься, – выпалила я не задумавшись. Щеки у меня вспыхнули, как только я сообразила, что только что сказала. Я лихорадочно искала слова, чтобы сгладить эффект от предыдущей фразы, как вдруг заметила, что у него слегка изогнулись уголки рта. Хотя это мимолетное проявление эмоций быстро угасло, и он вновь посмотрел на небо.

– Я по нему скучаю.

Было больно видеть, как он скорбит. Я помнила, как Блейк и его мама поселились рядом с нами. Это случилось вскоре после смерти его отца, и они оба еще переживали глубокое горе. Ни Эзра, ни я не представляли, как подступить к печальному мальчику по соседству, который со злости постоянно что-нибудь ломал. И невзирая на то, что пролетело уже десять лет, каждый год в этот день Блейк грустил так, словно это произошло лишь вчера. Теперь я знала, что в этот момент ему просто нужен был кто-то, кто бы его поддержал.

– Конечно, ты по нему скучаешь, – мягко произнесла я.

– Но ведь столько времени прошло.

– У горя нет срока годности. – Я почувствовала, что он повернулся ко мне. По шее сзади побежали мурашки, и я ответила на его взгляд.

– Ты такая мудрая, Блинчик.

От блеска в его глазах у меня упал громадный камень с души. Блейк прав – людям он больше нравился веселым. Но мне нравилось в нем все. Я была счастлива проводить с ним время, в каком бы настроении он ни находился. Блейк для меня на первом месте.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.